Гюстав Эмар

МОНБАР ГУБИТЕЛЬ

Морской авантюрный роман

Густав Эмар

Монбар Губитель

«ВЕЧЕ»

1863

Эмар Г.

Монбар Губитель / Г. Эмар — «ВЕЧЕ», 1863 — (Морской авантюрный роман)

ISBN 978-5-4484-7815-4

XVII век. Франция. В деревенской гостинице останавливается таинственный незнакомец, преследуемый гвардейцами кардинала Ришелье. Путник и не подозревает, что в соседней комнате произойдут события, которые перевернут всю его жизнь, и вскоре мир содрогнется от “подвигов”, которые совершит грозный флибустьер Монбар, прозванный за свою жестокость Губителем. Французский писатель и путешественник Гюстав Эмар (1818–1883) прославился не только своими романами об индейцах, но и многотомной серией книг о карибских пиратах.

ISBN 978-5-4484-7815-4

© Эмар Г., 1863
© ВЕЧЕ, 1863

Содержание

Глава I 6
Глава II 11
Глава III 17
Глава IV 22
Глава V 27
Глава VI 33
Глава VII 39
Глава VIII 44
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Гюстав Эмар
Монбар Губитель

© ООО «Издательство «Вече», 2008
© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2019
Сайт издательства www.veche.ru

Глава I
Гостиница французского двора

Хотя от Шансо, где начинается Сена, до Гавра, где она впадает в море, протяженность этой реки составляет не более двухсот лье[1], однако, несмотря на это сравнительно небольшое расстояние, Сена является одной из важнейших рек мира: со времен Юлия Цезаря и до наших дней на берегах ее решались величайшие общественные вопросы, волновавшие мир во все века.

Туристы, живописцы, путешественники, отправляющиеся в дальние края на поиски живописных мест, не могут найти ничего красивее извилистых берегов этой реки, окаймленной многолюдными городами и грациозными деревнями, кокетливо разбросанными направо и налево по зеленым долинам или исчезающими среди густой растительности ее крутых берегов.

Наша история началась 26 марта 1641 года в одной из этих деревень, в нескольких лье от Парижа.

Деревня эта имела только одну улицу, длинную и узкую, спускавшуюся с вершины довольно крутой горы, вьющуюся вдоль небольшой речки и кончавшуюся в нескольких шагах от Сены. Улица эта во всю свою длину была обрамлена низкими и безобразными домами, служившими большей частью гостиницами для путников всякого рода, постоянно проезжавших эту деревню и останавливавшихся в ней ночевать.

Верхний конец улицы был занят монастырем, очень богатым, возле которого возвышалось большое здание, скрытое в обширном саду и служившее гостиницей богатым людям, которых дела или удовольствие приводили в эту деревню, окруженную на десять миль вокруг роскошными жилищами знатных вельмож.

Ничто во внешнем виде не могло заставить угадать в этом здании гостиницу; нижняя дверь вела в сад, и только пройдя его весь, можно было увидеть дом. Но у гостиницы существовал другой проезд – с дороги, тогда не многолюдной, которым пользовались экипажи, когда путешественник был принят трактирщиком.

Хотя этот дом был гостиницей, его хозяин принимал не всех приезжих; напротив, он был очень разборчив и уверял, что гостиница, удостоенная посещением короля и всесильного кардинала, не должна была служить убежищем бродягам. Чтобы оправдать присвоенное себе право, трактирщик заказал вывеску, на которой был представлен французский герб с золотыми буквами, подписанными внизу: «Гостиница Французского Двора».

Эта гостиница пользовалась большой известностью не только в окрестностях, но и в самом Париже, и, надо прибавить, известностью заслуженной, потому что если трактирщик был привередлив относительно выбора своих посетителей, зато он ухаживал и за людьми, и за лошадьми с особенным рвением.

Несмотря на то, что наступили последние числа марта, холода стояли довольно сильные; тощие силуэты деревьев, отягченных инеем, печально обрисовывались на фоне серого неба, густой снег довольно толстым слоем покрывал землю. Хотя было около десяти часов вечера, ночь стояла светлая, и луна, плавая в облаках, щедро проливала свои бледные лучи, позволявшие видеть, как днем.

Все спало в деревне, только из решетчатых окон гостиницы Французского Двора струились широкие полосы света, показывавшие, что там, по крайней мере, не спали.

Однако путешественников в гостинице не оказалось. Всем приезжавшим днем и с наступлением ночи было отказано трактирщиком, толстяком с круглым умным лицом и лукавой

[1] Лье – французская путевая мера длины, равная 4, 44 км.

улыбкой, который ходил в эту минуту с озабоченным видом по своей огромной кухне, бросая иногда рассеянные взгляды на приготовления к ужину, которым занимались главный повар и его помощники.

Пожилая женщина, низенькая и кругленькая, вдруг вбежала на кухню и резко спросила трактирщика:

– Правда ли, мэтр Пильвоа, что вы приказали приготовить комнату с балдахином, как уверяет Мариетта?

– Что вам сказала Мариетта? – спросил трактирщик строгим голосом.

– Она велела мне приготовить лучшую комнату.

– И какая же комната лучшая, мадам Тифена?

– Комната под балдахином, потому что в ней ее величество…

– Раз так, приготовьте комнату под балдахином, – перебил трактирщик.

– Однако, – осмелилась возразить мадам Тифена, которая пользовалась некоторой властью в доме – во-первых, как законная жена трактирщика, и, во-вторых, по милости некоторых довольно резких черт своего характера, – мне кажется, при всем моем к вам уважении…

– При всем моем к вам уважении, – закричал трактирщик, гневно топнув ногой, – вы дура, моя милая! Исполняйте мои приказания и перестаньте жужжать мне в ухо…

Мадам Тифена поняла, что ее повелитель и властелин не расположен в этот вечер переносить пререкания. Как женщина благоразумная, она ушла, оставляя за собой право впоследствии отплатить сполна за полученный ею выговор.

Довольный, без сомнения, своим решительным поступком, мэтр Пильвоа, бросив торжествующий взгляд на своих подчиненных, весьма удивленных, хотя они и не смели этого показать, таким необычным самовластием, направился к двери, которая вела в сад. В ту минуту, когда он брался рукой за дверную ручку, дверь вдруг отворилась перед носом у изумленного трактирщика, который отступил, шатаясь, на середину комнаты, и в кухню вошел мужчина.

– Наконец-то! – радостно вскрикнул незнакомец, бросив свою шляпу с пером на стол и сбрасывая плащ. – Ей-Богу! Я думал, что оказался в пустыне.

Прежде чем трактирщик, все более и более удивляясь бесцеремонности обращения, успел воспротивиться, он взял стул и спокойно уселся рядом с камином.

Пришедшему казалось на вид лет двадцать пять. Длинные черные волосы в беспорядке падали на его плечи, резкие черты лица были благородны и умны, черные, пылкие глаза дышали мужеством и привычкой повелевать. Физиономия незнакомца носила отпечаток величия, умеряемого доброжелательной улыбкой, рот был большой, с ослепительными зубами, а красные, несколько полные губы украшались, по моде того времени, изящно завитыми усами; длинная бородка покрывала четырехугольный подбородок, говорящий об упрямстве его владельца.

Костюм его, не будучи богат, был, однако, опрятен, скроен со вкусом и несколько походил на военный, чему вдобавок способствовали два пистолета, заткнутые за пояс, и длинная шпага со стальным эфесом, висевшая на перевязи. Высокий рост незнакомца, стройного и сильного, и отвага, сквозившая во всей его наружности, выдавали в нем одного из тех людей, которых было тогда очень много, – людей, с первого раза умевших требовать от тех, с кем сводил их случай, уважения, полагая, что имеют на это право.

Между тем трактирщик, несколько оправившись от волнения и удивления, сделал несколько шагов к незнакомцу и, поклонившись ниже, чем ему хотелось бы, и снимая бумажный колпак под влиянием горящего взгляда, который незнакомец устремил на него, пролепетал не совсем твердым голосом:

– Милостивый государь…

Но незнакомец бесцеремонно перебил его, спросив:

– Вы трактирщик?

– Да, – проворчал мэтр Пильвоа, удивляясь, что вынужден отвечать, когда собирался расспрашивать.

– Хорошо! – продолжал незнакомец. – Отыщите мою лошадь, которую я бросил где-то в вашем саду; велите поставить ее в конюшню и вымыть уксусом с водой. Боюсь, что у нее содрана кожа.

Эти слова были произнесены так небрежно, что трактирщик от удивления не нашелся что сказать.

– Ну! – продолжал незнакомец через минуту, слегка нахмурив брови. – Что же ты стоишь, дурак, вместо того чтобы исполнить мои приказания?

Мэтр Пильвоа, с которого совершенно слетела вся спесь, повернулся и вышел, пошатываясь, как пьяный. Незнакомец проводил его насмешливым взглядом и, обернувшись к слугам, шептавшимся между собой и смотревшим на него украдкой, велел:

– Поставьте для меня стол около огня и подавайте ужин. Да поскорее, черт подери, я падаю с голода!

Слуги, в душе радуясь сыграть шутку со своим хозяином, не заставили повторять приказания дважды; в одно мгновение стол был перенесен, столовые приборы разложены, и трактирщик, возвратившись, нашел путешественника расправляющимся с великолепной куропаткой. Лицо Пильвоа приняло все оттенки радуги: сначала побледнело, потом покраснело, так что следовало опасаться апоплексического удара.

– Уж это чересчур! – закричал он, с гневом топнув ногой.

– Что это с вами? – спросил незнакомец, поднимая голову и вытирая усы.

– Действительно, что со мной? – проворчал трактирщик.

– Да, кстати, как там моя лошадь? Она в конюшне?

– Ваша лошадь, ваша лошадь, – бормотал Пильвоа, – до вашей ли теперь лошади!

– Да что же такое, позвольте спросить! – воскликнул незнакомец, налив себе вина и разом выпив рюмку. – Гм! Это юрансонское! – прибавил он, поставив рюмку на стол с довольным видом. – Я его узнал!

Такие равнодушие и бесцеремонность довели ярость трактирщика до крайней степени и заставили его забыть всякую осторожность.

– Какая дерзость, – вскричал он, хватая бутылку, – ворваться в дом честных людей без позволения хозяев! Убирайтесь-ка отсюда поскорее, если не хотите, чтобы вам пришлось худо. Ищите себе другого приюта, а я не могу и не хочу давать вам ночлег.

Незнакомец выслушал трактирщика без малейшего волнения, и когда мэтр Пильвоа наконец замолчал, он откинулся на спинку стула и посмотрел прямо в лицо трактирщику.

– Теперь выслушайте меня, – сказал он, – и запечатлейте мои слова хорошенько в вашей дурацкой башке. Ведь этот дом – гостиница, не так ли? Стало быть, он должен быть открыт для каждого путешественника, который за деньги ищет приюта и пищи. Я знаю, что вы присвоили себе право принимать людей по выбору. Я же не разделяю этого мнения и останусь здесь столько времени, сколько захочу. Я не запрещаю вам содрать с меня лишнее, это ваше право трактирщика, я ничего не скажу против, но если мне не будут служить вежливо и проворно, если вы не дадите мне приличной комнаты, в которой я мог бы ночевать – словом, если вы не выполните относительно меня все обязанности гостеприимства, я обещаю вам сорвать вашу вывеску, а вас повесить на ее место. Теперь вы поняли, хозяин? – прибавил незнакомец, так крепко сжав трактирщику руку, что бедный мэтр Пильвоа вскрикнул от боли, и оттолкнув его к самой стене кухни, так что тот едва удержался на ногах. – Служите мне и не спорьте.

Не интересуясь более трактирщиком, путешественник спокойно продолжал свой прерванный ужин.

Трактирщик чувствовал себя побежденным и не пытался продолжить борьбу, ставшую для него невозможной. Пристыженный и униженный, он старался угодить странному посетителю, столь бесцеремонно ворвавшемуся к нему в дом.

Путешественник не употребил своей победы во зло; довольный результатом, которого он добился, он этим не воспользовался. Так что мало-помалу и хозяин, и посетитель скоро оказались в самых лучших отношениях и к концу ужина даже лучшими друзьями.

Они стали разговаривать сначала о дожде и о хорошей погоде, о дороговизне съестных припасов, о болезни короля и кардинала, потом мэтр Пильвоа налил большой стакан вина своему непрошеному гостю и, вооружившись мужеством, сказал, покачав головой:

– Знаете ли, вы меня ужасно стесняете.

– Вы что, опять принимаетесь за старую историю? – откликнулся незнакомец, выпивая стакан и пожимая плечами. – Я полагал, что этот вопрос давно решен.

– Умоляю вас, не горячитесь, – боязливо сказал трактирщик, – я не имею ни малейшего намерения вас оскорблять.

– Так объясните же откровенно, почему я так стесняю вас?

Трактирщик видел, что делать нечего, страх придал ему мужество.

– Поверьте, – сказал он смиренно, – я слишком хорошо знаю свет, чтобы осмелиться быть невежливым с таким дворянином, как вы…

– Оставим это, – с улыбкой перебил незнакомец.

– Но моя гостиница нанята уже неделю назад целым обществом дворян; они должны приехать через час, а может быть, и через полчаса. Эти дворяне желают быть одни в гостинице, они взяли с меня клятву не принимать никаких других путешественников и заплатили мне за это.

– Вот и прекрасно, – сказал незнакомец с равнодушным видом.

– Прекрасно?! – вскричал трактирщик.

– Что же мне еще сказать? Вы строго исполнили свое обязательство, и никто не может упрекнуть вас ни в чем.

– Как же это?

– Разве только у вас здесь спрятался кто-нибудь, – с невозмутимым хладнокровием отвечал незнакомец, – что, признаюсь, было бы нечестно с вашей стороны.

– Здесь никого нет.

– Ну так что же?

– А вы? – боязливо произнес трактирщик.

– О! Я – это другое дело, – смеясь, сказал незнакомец. – Вы меня не приняли; напротив, я насильно ворвался к вам. Ну, когда эти дворяне к вам явятся, вам остается только одно.

– Что?

– Рассказать в точности, что произошло между нами. Или я очень ошибаюсь, или это откровенное объяснение удовлетворит их, а если нет…

– А если нет, что я буду делать?

– Пришлите их ко мне, и я берусь их уговорить; дворяне хорошего происхождения всегда понимают друг друга.

– Однако…

– Ни слова больше об этом… Да вот, кажется, и они, – прибавил незнакомец, прислушиваясь и вновь небрежно откидываясь на спинку стула.

На затвердевшем снегу послышался топот лошадей, затем в дверь постучали.

– Это они! – прошептал трактирщик.

– Нет больше причины заставлять их ждать! Отворите, хозяин, сегодня очень холодно.

Трактирщик колебался с минуту, потом вышел, ничего не возразив.

Незнакомец старательно закутался в плащ, надвинул на глаза шляпу и стал ожидать приезжих с равнодушным видом. Слуги, забившись в самый отдаленный угол кухни, дрожали, предвидя грозу.

Глава II
Семейная сцена

Между тем приезжие шумели на дороге и, по-видимому, теряли терпение от заминки трактирщика. Он наконец решился отворить, хотя тайно опасался последствий, которые могло иметь для него присутствие в доме незнакомца. Как только по его приказанию конюх отодвинул засов и отворил ворота, несколько всадников въехали на двор, а за ними – карета, запряженная четверкой лошадей. При свете фонаря, который держал слуга, трактирщик увидел, что путешественников семеро: трое господ, трое слуг и кучер на козлах. Все были закутаны в толстые плащи и вооружены с ног до головы.

Как только карета въехала на двор, всадники сошли с лошадей. Один из них, имевший, по-видимому, некоторую власть над своими спутниками, подошел к трактирщику, между тем как другие повернули карету в сад, где находился главный вход в дом, а слуги затворяли ворота.

– Мои приказания исполнены в точности? – спросил путешественник с сильным иностранным выговором, хотя он очень правильно выражался по-французски.

При этом довольно затруднительном вопросе Пильвоа почесал в голове, потом отвечал хитро:

– Насколько было возможно.

– Что вы хотите этим сказать? – грубо спросил путешественник. – Ведь инструкции были очень точны!

– Да, – смиренно отвечал трактирщик, – я даже скажу, что мне щедро заплатили вперед.

– Ну так что же?

– Я сделал, что мог, – отвечал Пильвоа, все больше смущаясь.

– Гм! Значит, у вас кто-то есть?

– Увы! Есть, монсеньер, – отвечал трактирщик, опустив голову.

Путешественник гневно топнул ногой, но тотчас же принял спокойный вид и спросил:

– Кто эти люди?

– Только один человек.

– А! Только один, – сказал путешественник с довольным видом. – Стало быть, ничего не может быть легче спровадить его.

– Боюсь, что нет, – робко сказал трактирщик. – Этот путешественник, которого я не знаю, кажется мне прегрубым, и не думаю, чтобы он был расположен удалиться.

– Хорошо, хорошо, я беру это на себя, – беззаботно сказал путешественник. – Где он?

– Там, на кухне, греется у огня.

– Хорошо. Комната приготовлена?

– Да, монсеньер.

– Проводите сами этих господ. Никто из ваших людей не должен знать, что будет здесь происходить.

Трактирщик, обрадовавшись, что так дешево отделался, почтительно поклонился и поспешил уйти в сад, а путешественник, шепотом обменявшись несколькими словами со слугой, оставшимся возле него, надвинул шляпу на глаза, отворил дверь и вошел на кухню.

Она была пуста; незнакомец исчез. Путешественник озабоченно огляделся вокруг. Слуги, вероятно по приказанию трактирщика, благоразумно удалились. После минутной нерешительности путешественник вышел в сад.

– Ну что, вы его видели, монсеньер? – спросил трактирщик.

– Нет, но все равно, – отвечал путешественник, – ни слова о нем тем, кто приехал со мной. Он, видимо, убрался, а если нет, смотрите, чтобы он не подходил к тем комнатам, которые вы нам отвели.

«Гм! Все это не совсем чисто», – подумал трактирщик и, задумавшись, ушел.

Дело в том, что мэтр Пильвоа боялся. Посетители его имели угрюмые физиономии и резкие манеры; кроме того, между деревьями его сада мелькали какие-то тени. Он остерегся исследовать это обстоятельство, но оно увеличивало его тайные опасения.

Тифена с фонарем в руке ждала у дверей дома, чтобы посветить путешественникам и проводить их в приготовленные комнаты. Когда карета остановилась у дверей, один из путешественников подошел, отворил дверцу и помог выйти даме.

Эта дама, роскошно одетая, по-видимому, отчего-то страдала и шла с трудом. Однако, несмотря на свою слабость, она оттолкнула руку, поданную ей одним из путешественников, и приблизилась к Тифене, которая, сострадательная, как все женщины, поспешила помочь ей взойти по лестнице, несколько крутой, которая вела в комнату с балдахином.

Путешественники оставили кучера и одного лакея стеречь карету, которую не откладывали, и молча пошли за больной дамой.

Комната с балдахином, самая красивая в гостинице, была велика и меблирована с роскошью. Яркий огонь горел в камине, и несколько свечей, расставленных на столах, разливали свет. Дверь, закрытая обоями, вела в небольшую комнату, сообщающуюся с другими частями дома.

Когда дама вошла в комнату с балдахином, она опустилась на стул и поблагодарила трактирщицу кивком головы. Тифена скромно ушла, удивленная и почти испуганная при виде мрачных лиц людей, среди которых она находилась.

– Господи Боже мой! Что же здесь затевается? – спросила она у мужа, которого встретила в коридоре, где он прохаживался с озабоченным видом. – Эти люди меня пугают. Бедная дама вся дрожит и, насколько я могла приметить ее лицо под маской, оно бело как снег.

– Я так же испуган, как и вы, душа моя, – отвечал со вздохом Пильвоа, – но мы ничего не можем сделать. Это слишком знатные господа, друзья кардинала. Они могут погубить нас. Нам остается только удалиться в нашу комнату, как нам приказано, до тех пор пока не потребуются наши услуги.

Трактирщик и его жена ушли в спальню и не только заперли дверь на ключ, но еще и загородили ее всем, что попалось им под руку.

Незнакомец, притворясь равнодушным, следил глазами за всеми движениями трактирщика, и как только тот вышел из кухни, чтобы отворить путешественникам, он встал, бросил кошелек, полный золота, поварам, приложил палец к губам в знак молчания и, закутавшись в плащ, вышел из кухни.

Повара поняли, что незнакомец скрывает какие-то планы, в которые им не следовало вмешиваться, разделили между собой деньги, так щедро им подаренные, и, припомнив приказания, полученные от хозяина, отправились спать.

Незнакомец, пока трактирщик принимал путешественников, углубился в сад. Дойдя до маленькой двери, о которой мы говорили, он тихо свистнул. Тотчас появились два человека. У каждого была длинная рапира на боку, пистолеты за поясом и карабин в руке.

– Что нового? – спросил незнакомец. – Вы видели что-нибудь, Мигель?

– Капитан, – ответил тот, к которому относился этот вопрос, – я ничего не видел, но опасаюсь засады.

– Засады?

– Да. Тихий Ветерок заметил несколько человек подозрительной наружности, которые, кажется, хотят взять нас на абордаж.

– Вы с ума сошли, Мигель! Вы видели просто путешественников, приехавших в гостиницу.

– Нет, капитан, напротив, они как две капли воды похожи на тех, которые гонятся за нами уже третий день. Готов биться об заклад, что это сыщики кардинала.

Незнакомец, по-видимому, размышлял.

– Далеко они? – спросил он наконец.

– Говори, Тихий Ветерок, – обратился Мигель к своему товарищу.

– Я их проведал около пяти часов, – сказал Тихий Ветерок, бретонец, низенький и коренастый, с хитрой и лукавой физиономией. – Я шел под нижними парусами только для того, чтобы перегнать их, и, кажется, оставил их в дрейфе позади.

– Стало быть, впереди у нас целый час.

– Около того, капитан.

– Это даже больше, чем нам нужно. Послушайте, ребята, поклянитесь вашей матросской честью, что вы будете повиноваться мне во всем.

– Клянемся, – в один голос ответили они.

– Смотрите, я полагаюсь на вас.

– Так точно, – сказал Мигель.

– Что бы ни случилось, предоставьте мне действовать одному, если я не дам вам особого приказания прийти мне на помощь. Если, пока мы будем находиться здесь, явятся сыщики кардинала, вы убежите.

– Убежим?! – воскликнули оба моряка.

– Это необходимо, друзья мои! Кто меня освободит, если мы все втроем окажемся в плену?

– Справедливо, – заметил Мигель.

– Итак, решено?

– Да, капитан, – ответили оба.

– Да, кстати, если меня возьмут, вам будут нужны деньги, чтобы освободить меня. Вот, возьмите.

Он передал им тяжелый кошелек, который матросы взяли без лишних слов.

– Теперь ступайте за мной и смотрите в оба.

– Не беспокойтесь, капитан, – сказал Мигель, – мы будем смотреть.

Незнакомец, а за ним и оба моряка подошли к дому. Они прошли в коридор, в конце которого находилась комната путешественников, в ту самую минуту, когда мэтр Пильвоа со своей супругой заперлись у себя в спальне. Карета, которую стерегли кучер и слуга, все еще стояла перед парадным входом, но три человека прошли никем не замеченные…

Как только трактирщица вышла из комнаты с балдахином, путешественник, по-видимому пользовавшийся определенной властью над своими спутниками, отворил дверь в смежную комнату, чтобы удостовериться, не подслушивает ли там кто-нибудь, потом сел около камина и сделал знак своим спутникам последовать его примеру. Только двое слуг остались стоять у двери, опираясь руками на карабины.

Несколько секунд в комнате, где теперь находились десять человек, стояло молчание. Наконец путешественник решился заговорить с молодой дамой, которая полулежала на стуле, склонив голову на грудь и безжизненно опустив руки.

– Дочь моя, – сказал он серьезным голосом по-испански, – настала минута решительного и окончательного объяснения между нами, ведь остается только четыре мили до конца нашего продолжительного путешествия. Я намерен задержаться на сутки в этой гостинице, чтобы дать вам время собраться с силами и явиться в приличном виде перед тем, кого я назначаю вам в мужья.

Молодая женщина ответила на эту сухую речь только глухим стоном. Отец ее продолжал, делая вид, что не замечает ее отчаянного состояния.

– Вспомните, дочь моя, что я только по просьбе ваших братьев согласился простить ваш проступок с непременным условием, что вы будете повиноваться моим приказаниям.

– Где мое дитя?.. – прошептала молодая женщина голосом, прерывающимся от горя. – Что вы сделали с моим ребенком?

Путешественник нахмурил брови, сильная бледность покрыла его лицо, но он тотчас взял себя в руки и сказал мрачным голосом:

– Опять этот вопрос! Не шутите с моим гневом, напоминая мне о вашем преступлении и о бесславии нашего дома.

При этих словах женщина вдруг выпрямилась и, сорвав бархатную маску, покрывавшую ее лицо, сказала гордым голосом, смотря отцу прямо в глаза:

– Я не виновата, и вы это прекрасно знаете! Вы сами представили мне графа де Бармона, вы сами одобряли нашу любовь, по вашему же приказанию мы были тайно обвенчаны. Осмельтесь опровергнуть это!

– Молчать! – закричал путешественник, вскочив с места.

– Отец! – вскрикнули два других путешественника, бросаясь к нему.

– Хорошо, я возьму себя в руки, – сказал он, понизив голос и усаживаясь на свое место. – Я задам вам только один вопрос, донна Клара: будете вы повиноваться мне?

Она колебалась с минуту, потом, приняв решение, ответила решительным и твердым голосом:

– Выслушайте меня, отец. Вы сами сказали, что настала минута объяснения, объяснитесь же. Я ваша дочь и также стою за честь нашего дома, вот почему я требую, чтобы вы отвечали прямо и не изворачиваясь.

Эта молодая женщина, говорившая с неподдельной решимостью, которую придавало ей горе, была необыкновенно красива. Выпрямившись, гордо подняв голову с длинными шелковистыми черными волосами, в беспорядке падавшими на ее плечи и представлявшими разительный контраст с цветом ее мраморно-бледного лица, с большими глазами, горевшими лихорадкой и наполненными слезами, медленно текущими по щекам, она имела во всей своей наружности что-то роковое, как будто не принадлежавшее земле. Отец ее растрогался, несмотря на свирепую ярость, и отвечал голосом уже менее грубым:

– Я слушаю вас.

– Я вам сказала уже, что я невиновна, – продолжала она, – и повторяю, что была тайно обвенчана с графом де Бармоном в церкви Мерсед в Кадисе по вашему приказанию. Вы это знаете, и, стало быть, мне нечего распространяться об этом; мой ребенок законный, и я имею право им гордиться. Каким же образом вы, герцог Пеньяфлор, принадлежа к испанским грандам, не только похитили у меня в день нашей свадьбы супруга, вами же выбранного, но и вдруг прогнали его от себя и отняли у меня моего ребенка в час его рождения, да еще обвиняете меня в ужасном преступлении и намереваетесь, когда еще жив мой первый муж, выдать меня замуж за другого? Отвечайте же мне, в чем состоит честь, о которой вы так часто говорите, и по какой причине вы поступаете так жестоко с несчастной, которая обязана вам жизнью и, с тех пор как существует, выказывала вам только любовь и уважение?

– Это уж слишком, непослушная дочь! – закричал герцог, с гневом поднимаясь с места. – Если вы не боитесь идти мне наперекор таким недостойным образом…

Но вдруг он замолчал и замер, трепеща от ярости и испуга: дверь комнаты внезапно отворилась, и на пороге появился человек. Гордо выпрямившись, с пылающим взором, он молча стоял, положив руку на эфес своей шпаги.

– Луи! – вскричала молодая женщина, бросаясь к нему. Но братья удержали ее и заставили сесть.

– Граф де Бармон! – прошептал герцог.

– Я, собственной персоной, герцог Пеньяфлор, – отвечал незнакомец с чрезвычайной вежливостью, – вы меня, кажется, не ждали?

Сделав несколько шагов по комнате, в то время как матросы, следовавшие за ним, стерегли дверь, граф де Бармон гордо надел шляпу на голову и, скрестив руки на груди, надменно спросил:

– Что здесь происходит? Кто смеет притеснять графиню де Бармон?

– Графиню де Бармон! – с презрением повторил герцог.

– Это правда, – иронически ответил граф, – я и забыл, что вы с минуты на минуту ждете документа, который аннулирует наш брак и позволит вам выдать дочь за человека, влияние которого помогло вам занять место вице-короля Новой Испании[2].

– Милостивый государь! – закричал герцог.

– Как?! Разве я ошибся? Нет-нет, герцог, мои шпионы не хуже ваших, они хорошо мне служат, поверьте… Но этот недостойный поступок не будет совершен! Слава Богу, я успел вовремя, чтобы помешать этому. Посторонитесь, – сказал он, оттолкнув сыновей герцога, не дававших ему пройти. – Я ваш муж, графиня, следуйте за мной, я сумею вас защитить.

Молодые люди, бросив сестру, которая была почти без чувств, устремились на графа и оба ударили его в лицо перчаткой, обнажив шпаги. При этом жестоком оскорблении граф страшно побледнел, взревел, как хищный зверь, и также обнажил шпагу. Слуги, опасаясь матросов, не делали ни малейшего движения. Герцог бросился между тремя молодыми людьми, готовыми вступить в бой.

– Граф, – холодно сказал он своему младшему сыну, – предоставьте вашему брату наказать этого человека.

– Благодарю вас, отец, – ответил старший, становясь в позицию, между тем как младший брат опустил шпагу и сделал шаг назад.

Донья Клара без чувств упала на пол. Было что-то зловещее в зрелище, которое в эту минуту представляла комната: женщина, хрипящая на полу в страшном нервном припадке, и никто не думает ей помочь; старик с нахмуренными бровями, с чертами лица, искаженными горестью, с бесстрастным видом присутствующий при дуэли своего старшего сына с зятем; его младший сын, кусающий губы от досады, что не может помочь своему брату; матросы, приставившие пистолеты к горлу слуг, бледных от страха; а посреди комнаты, слабо освещенной несколькими коптящими свечами, два человека со шпагами в руках, готовые проткнуть друг друга.

Дуэль продолжалась недолго – слишком сильная ненависть душила противников, чтобы они стали понапрасну терять время. Сын герцога, бывший нетерпеливее графа, наносил ему удар за ударом, которые граф, несмотря на свое и кусство, отражал с трудом. Вдруг молодой человек поскользнулся, и в это мгновение граф сделал молниеносное движение, и его шпага вошла в грудь противника по рукоять. Молодой человек взмахнул руками, выронил шпагу и упал на пол, не произнеся ни слова. Он был мертв.

– Убийца! – закричал его брат, бросаясь на графа со шпагой в руке.

– Вероломный! – отвечал граф, отражая нанесенный ему удар и выбивая шпагу, которая полетела к потолку.

– Остановитесь! Остановитесь! – закричал герцог, обезумев от горя, бросаясь к двум противникам, которые схватились врукопашную.

---

[2] Новая Испания – испанское вице-королевство со столицей в Мехико, в описываемое время включавшее территории современной Мексики, южных штатов США, Центральную Америку (кроме Панамы), Антильские острова, северное побережье Южной Америки до устья Амазонки, а также Филиппины.

Но это позднее вмешательство было бесполезно: граф, наделенный необыкновенной силой, легко сумел освободиться от молодого человека и, бросив его на пол, стал коленом на его грудь.

Вдруг раздался топот лошадей, послышались бряцание оружия и поспешные шаги нескольких человек, взбегавших по лестнице.

– А-а! – закричал герцог со свирепой радостью. – Вот наконец и мщение!

Граф, не удостаивая ответом своего врага, обернулся к матросам.

– Бегите! – крикнул он властным голосом. Они стояли на месте, не решаясь оставить графа.

– Бегите, если хотите меня спасти, – прибавил он.

Оба матроса схватили свои карабины за дуло, чтобы проложить себе путь, и, действуя ими как палицами, бросились в коридор и исчезли.

Граф с тревогой прислушался и услыхал ругательства, шум ожесточенной борьбы, потом через минуту отдаленный крик, так хорошо известный морякам. Лицо его прояснилось, он вложил шпагу в ножны и спокойно ждал, прошептав:

– Они спасены! Мне остается надежда!

Глава III
Арест

Почти тотчас в комнату вбежали двадцать человек. Шум, продолжавший доноситься извне, показывал, что на лестницах и в коридорах находятся люди, готовые в случае надобности поспеть на помощь. Все эти люди были вооружены. Впрочем, в них легко было узнать королевских – или, лучше сказать, кардинальских – гвардейцев. Только двое из них, с лукавыми кошачьими физиономиями, с бегающим взглядом, одетые в черные платья, не имели оружия; но, по всей вероятности, их надо было опасаться больше других, ибо под своей раболепной вежливостью они, без сомнения, скрывали неутолимое желание причинять вред. Один из них держал в руке какие-то бумаги. Он сделал несколько шагов вперед, подозрительно оглядел все общество и сказал резким отрывистым голосом:

– Именем короля, господа!

– Что вам нужно? – спросил граф де Бармон, решительно подходя к нему.

Приняв это движение за демонстрацию враждебных намерений, человек в черном платье с живостью отскочил назад, но тотчас возвратил хладнокровие и ответил со зловещей улыбкой:

– Граф Луи де Бармон, если не ошибаюсь?

– К делу, милостивый государь, к делу! – надменно ответил граф. – Я – граф де Бармон.

– Капитан королевского корабля, – бесстрастно продолжал человек в черном, – командир фрегата его величества «Эригона».

– Я вам уже сказал, что я тот, кого вы ищете, – нетерпеливо ответил граф.

– Я действительно имею к вам дело, граф. Вас нелегко нагнать! Вот уже целую неделю как я рыщу за вами, почти потеряв надежду встретить вас.

Все это было сказано с кротким видом, сладеньким голосом и с приторной улыбкой, которые могли бы взбесить и праведника, а тем более того, к кому обращался этот странный человек, – характер у графа был не из терпеливых.

– Скоро вы закончите? – вскричал он, гневно топнув ногой.

– Имейте терпение, граф, имейте терпение, – ответил человек в черном тем же бесстрастным тоном. – Боже мой, как вы вспыльчивы! Так как вы, по собственному вашему признанию, граф Луи де Бармон, командир фрегата его величества «Эригона», – прибавил он, бросив взгляд на бумаги, которые держал в руках, – то в силу данных мне приказаний я вас арестую именем короля за дезертирство, за то, что вы без позволения бросили в чужих краях, то есть в Лиссабоне, в Португалии, ваш фрегат. Отдайте мне вашу шпагу, граф, – прибавил он, подняв голову и устремив на графа свои невыразительные глаза.

Граф де Бармон презрительно пожал плечами.

– Оружие дворянина моей фамилии никогда не будет отдано такому негодяю, как ты, – с презрением сказал он и, обнажив шпагу, холодно сломал лезвие о колено, а куски бросил в окно, разбив стекла. Потом выхватил из-за пояса два пистолета и взвел курки.

– Граф, граф! – закричал сбир[3], с испугом отступая. – Это бунт. Подумайте, бунт против приказаний его величества и его святейшества кардинала!

Граф презрительно улыбнулся и, подняв пистолеты, выстрелил в воздух так, что пули засели в потолке; пистолеты граф вышвырнул в окно и, скрестив руки на груди, холодно сказал:

– Теперь делайте со мной что хотите.

– Вы сдаетесь, граф? – спросил сбир с плохо скрытым страхом.

– Да, с этой минуты я ваш пленник.

---

[3] Сбир – здесь: судебный исполнитель.

Сбир с облегчением перевел дух; хоть и безоружный, граф все еще пугал его.

– Только, – продолжал граф, – дайте мне сказать два слова этой даме.

Он указал на донью Клару, которая благодаря хлопотам трактирщицы, прибежавшей на шум, несмотря на просьбы и приказания мужа, начала приходить в себя.

– Нет, нет, ни слова! – закричал герцог, бросаясь между своей дочерью и графом. – Уведите этого негодяя, уведите его!

Но сбир, обрадовавшись легкости, с какой граф ему сдался, и не желая возбуждать его гнева, а в особенности для того, чтобы показать свою власть, не подвергаясь никакому риску, сказал:

– Позвольте, позвольте, граф желает говорить с этой дамой.

– Но этот человек – убийца! – запальчиво крикнул герцог. – Перед вами лежит тело моего несчастного сына, убитого им.

– Я весьма сожалею, – отвечал сбир, – но ничего не могу сделать, обратитесь к кому следует. Однако, если хотите, я запишу ваше обвинение… Но вы, наверное, настолько же желаете освободиться от нас, насколько мы желаем уехать. Позвольте же графу спокойно проститься с дамой. Я уверен, что это не займет много времени.

Герцог бросил на сбира свирепый взгляд, но, не желая опускаться до препирательств с таким негодяем, ничего не ответил и отступил с мрачным видом.

Граф присутствовал при этом споре, не выказывая ни нетерпения, ни досады. С бледным лицом, нахмурившись, он ждал, готовый, без сомнения, решиться на какую угодно крайность, если бы ему отказали.

Сбиру стоило бросить на него один взгляд, чтобы угадать, что происходило в его сердце. Не желая новых неприятностей, он миролюбиво сказал:

– Говорите, никто вам не мешает.

– Благодарю, – глухо ответил граф и повернулся к донье Кларе, которая смотрела на него пылающим взглядом.

– Клара, – произнес граф твердым и внятным голосом, – вы любите меня?

С минуту она нерешительно молчала, опустив голову и взволнованно дыша.

– Вы любите меня? – повторил граф.

– Я вас люблю, Луи, – наконец ответила она слабым и дрожащим голосом.

– Вы любите меня как вашего супруга перед Богом и перед людьми и как отца вашего ребенка?

Молодая женщина встала, ее черные глаза сверкали; протянув руку вперед, она произнесла, задыхаясь от волнения:

– В присутствии моего отца, готового проклясть меня, перед телом моего умершего брата, при людях, слушающих меня, я клянусь, Луи, что я люблю вас как отца моего ребенка и, что бы ни случилось, останусь вам верна.

– Хорошо, Клара, – сказал граф, – Господь принял вашу клятву, Он поможет вам сдержать ее. Вспомните, что мертвая или живая – вы принадлежите мне, как я принадлежу вам, и никакие силы в мире не могут разъединить нас. Теперь прощайте – и не теряйте мужества.

– Прощайте! – прошептала она, падая на стул и закрывая лицо руками.

– Пойдемте, господа! Делайте со мной что хотите, – сказал граф, обращаясь к сбирам, невольно тронутым этой сценой.

Герцог бросился к дочери как тигр и, неистово схватив ее за руку, заставил поднять лицо, залитое слезами. Устремив на нее взгляд, полный злобы, раздиравшей его сердце, он закричал голосом, свистящим от бешенства:

– Дочь моя! Приготовьтесь через два дня выйти за человека, которого я назначаю вам в супруги. А ребенка вашего вы не увидите никогда, он для вас не существует.

Молодая женщина вскрикнула от отчаяния и упала без чувств на руки трактирщицы. Граф, в эту минуту выходивший из комнаты, обернулся к герцогу и, протянув к нему руку, закричал голосом, который заставил присутствующих похолодеть от ужаса:

– Палач! Будь ты проклят! Клянусь честным словом дворянина, что я так страшно отомщу тебе и твоим близким, что воспоминание об этом мщении останется вечно. А если я не смогу поразить тебя, вся нация, к которой ты принадлежишь, содрогнется от моей неутолимой ненависти. Между нами теперь война, война жестокая и беспощадная. Прощай!

Оставив гордого испанца в испуге от этого страшного проклятия, граф вышел твердой походкой, бросив последний взгляд на женщину, которую любил и с которой расставался, может быть, навсегда.

Коридоры, лестницы и сад гостиницы были заполнены вооруженными людьми; было просто чудом, что оба матроса успели убежать. Это придало графу надежду, и он сошел вниз твердыми шагами под внимательным надзором сбиров, не терявших его из виду. Сбирам давно сказали, что они будут иметь дело с морским офицером крайне вспыльчивого характера, необыкновенной силы и неукротимого мужества; поэтому добровольная покорность пленника, которую они считали притворной, не внушала им особого доверия, и они держались настороже.

Когда они вышли в сад, начальник сбиров заметил карету, все еще стоявшую перед дверью.

– Это именно то, что нам нужно! – сказал он, радостно потирая руки. – Мы так спешили сюда, что забыли взять карету… Прошу вас, садитесь, граф, – прибавил он, отворяя дверцу.

Граф сел, не заставляя себя просить дважды. Сбир обратился к кучеру, сидевшему на козлах.

– Сойди! – закричал он повелительным тоном. – Именем короля, я беру эту карету. Уступи свое место одному из моих подчиненных… Эвелье, – обратился он к высокому сбиру дерзкой наружности и такому худощавому, что тот, кто стоял возле него, казалось, всегда видел только его профиль, – садись на козлы вместо этого человека, и поедем!

Кучер не стал сопротивляться такому решительному приказанию, сошел с козел, и на его место тотчас сел Эвелье, а начальник сбиров поместился в карете напротив своего пленника, закрыв дверцу, и лошади, погоняемые сильными ударами бича, тронулись, таща за собой тяжелую карету, около которой ехали двадцать солдат.

В течение довольно долгого времени между пленником и сбиром не было произнесено ни одного слова. Граф думал о своем, сбир спал, или, лучше сказать, притворялся спящим. В марте ночи уже коротки, и скоро широкие белые полосы начали показываться на горизонте. Граф, до сих пор остававшийся неподвижным, сделал легкое движение.

– Вы страдаете, граф? – спросил сбир.

Этот вопрос был сделан тоном, совсем не похожим на тот, которым до сих пор говорил сбир. В голосе его слышалось такое живейшее сострадание, что граф невольно вздрогнул и пристально посмотрел на говорившего. Но насколько он мог заметить при слабом свете начинающегося дня, человек, находившийся перед ним, имел все такую же невзрачную физиономию и ту же ироническую и ничего не выражающую улыбку на губах. Подумав, что ошибся, граф откинулся назад и ответил сухим тоном, которым хотел пресечь всякое желание завязать с ним разговор:

– Нет!

Но сбир, вероятно, был расположен говорить, потому что сделал вид, будто не замечает, каким образом принята его предупредительность, и продолжал:

– Ночи еще холодные, свежий воздух насквозь пронизывает карету, и я боялся, не озябли ли вы.

– Я привык переносить и холод и жару, – отвечал граф, – притом если бы даже я и не вполне привык, то скоро, вероятно, должен буду привыкать безропотно встречать любые невзгоды.

– Кто знает, граф! – сказал сбир, качая головой.

– Как! Разве я не осужден на длительное заключение в крепости?

– Так значится в приказе, исполнение которого поручено мне.

Наступило минутное молчание. Граф рассеянно смотрел на окрестности, освещенные первыми лучами рассвета. Наконец он обратился к сбиру:

– Могу я вас спросить, куда вы меня везете?

– Почему бы нет? – отвечал сбир.

– И вы ответите на мой вопрос?

– Мне это не запрещено.

– Итак, куда же мы едем?

– На Леренские острова.

Граф внутренне вздрогнул. Острова Лерен уже в те времена пользовались почти столь же ужасной известностью, какую они приобрели впоследствии, когда служили тюрьмой таинственной Железной Маске, на которую было запрещено смотреть под страхом смерти.

Сбир пристально, не говоря ни слова, смотрел на графа. Тот продолжал:

– Где мы теперь?

Сбир наклонился к окну, выглянул и сказал:

– Мы подъезжаем к Корбейлю. Будут менять лошадей. Если вы желаете отдохнуть, я могу приказать остановиться на час. Может быть, вам угодно немного перекусить?

Мало-помалу графа начинала интересовать личность этого странного человека.

– Хорошо, – сказал он.

Ничего не отвечая, сбир опустил стекла и закричал:

– Эвелье!

– Что? – спросил тот.

– Остановись у гостиницы «Золотой Лев».

– Хорошо!

Через десять минут карета остановилось на улице Сен-Сир перед дверью гостиницы. Сбир вышел из кареты, граф – за ним, и оба вошли в гостиницу. Часть конвоя осталась на улице, остальные сошли с лошадей и поместились в общей зале.

По знаку сбира, по-видимому хорошо здесь известного, трактирщик провел его в комнату на первом этаже, довольно неплохо меблированную, где в камине жарко горел огонь, после чего ушел, не произнеся ни слова, против обыкновения своих собратьев.

Граф машинально последовал за сбиром и сел на стуле возле камина, слишком занятый собственными мыслями, для того чтобы придавать большое значение происходящему вокруг. Когда трактирщик оставил их одних, сбир запер дверь и, сев напротив пленника, сказал:

– Теперь поговорим откровенно, граф.

Граф, удивленный этими словами, с живостью поднял голову.

– Мы не можем терять времени, ваше сиятельство, – продолжал сбир. – Выслушайте же меня, не перебивая. Я Франсуа Бульо, младший брат мужа вашей кормилицы. Вы узнаете меня?

– Нет, – отвечал граф, с минуту пристально рассматривавший сбира.

– Это меня не удивляет – вам было только восемь лет, когда я в последний раз имел честь видеть вас в замке Бармон. Но это все равно! Я вам предан и хочу вас спасти.

– Как я могу быть уверен, что вы действительно Франсуа Бульо, младший брат мужа моей кормилицы, и что вы не стараетесь меня обмануть? – отвечал граф подозрительным тоном.

Сбир пошарил в кармане, вынул оттуда несколько бумаг, которые подал графу. Тот машинально взглянул на них: это были метрическое свидетельство, несколько писем, удостоверяющих личность брата мужа его кормилицы. Граф возвратил ему бумаги.

– Как же это вы меня арестовали так кстати, чтобы подать мне помощь? – спросил он.

– Очень просто, граф, голландское посольство просило кардинала вас арестовать. Лаффема, приближенный кардинала, хорошо расположенный ко мне, выбрал меня для приведения в исполнение распоряжения кардинала. Если бы дело шло о другом, я отказался бы, но я вспомнил о милостях вашего семейства ко мне и моему брату и, воспользовавшись случаем, который мне предоставляла моя должность, захотел из чувства признательности спасти вас.

– Но это совсем не легко, мок бедный друг.

– Гораздо легче, чем вы думаете, ваше сиятельство! Я здесь оставлю половину нашего конвоя, человек двадцать, с нами останется только десять.

– Гм! И это уже довольно порядочное количество, – отвечал граф, невольно заинтересовавшись.

– Это было бы слишком много, если бы в числе этих десяти человек не было семи, в которых я уверен; значит, следует опасаться только троих. Я давно гоняюсь за вами, ваше сиятельство, – прибавил сбир, смеясь, – и все меры предосторожности мною приняты, как вы убедитесь. Под предлогом, который нетрудно придумать, мы проедем через Тулон и там остановимся часа на два в известной мне гостинице. Вы переоденетесь монахом нищенствующего ордена и незаметно покинете гостиницу. Я постараюсь удалить тех конвойных, в которых я не уверен. Вы направитесь к пристани с бумагами, которые я вам отдам, и отбудете на очаровательном люгере[4] под названием «Чайка», который я нанял для вас и который вас ждет. Хозяин люгера узнает вас по паролю, который я вам скажу, и вы поедете куда хотите. Не прост ли этот план, ваше сиятельство, и не предусмотрел ли я всего? – прибавил сбир, радостно потирая руки.

– Нет, друг мой, – отвечал граф, с волнением протягивая ему руку, – вы не предусмотрели одного.

– Чего, граф? – удивленно спросил сбир.

– Я не хочу бежать! – отвечал молодой человек, печально качая головой.

[4] Люгер – небольшое двух или трехмачтовое судно с рейковым парусным вооружением.

Глава IV
Остров Сент-Маргерит

При этом ответе, которого сбир вовсе не ожидал, он посмотрел на графа с изумлением, как будто не понял. Граф кротко улыбнулся.

– Это вас удивляет? – спросил он.

– Признаюсь, граф, – ответил сбир с замешательством.

– Да, – продолжал граф, – я понимаю, вам должен казаться странным отказ принять такое великодушное предложение. Не часто бывает, что пленник, которому предлагают свободу, упорно остается в плену. Я должен вам объяснить такое странное поведение, и я объясню его немедленно, чтобы вы не настаивали и предоставили мне действовать по моему усмотрению.

– Я всего лишь ваш нижайший слуга, ваше сиятельство. Вы, конечно, лучше меня знаете, как вам следует поступить. Стало быть вам нет никакой надобности объяснять мне ваши поступки.

– Именно потому, что вы старый слуга моего семейства и даете мне в эту минуту доказательство безграничной преданности, я должен объяснить вам причины отказа, который так вас удивляет. Выслушайте же меня.

– Если вы непременно этого хотите, граф, я вам повинуюсь.

– Хорошо, садитесь возле меня, другие не должны знать, что я буду говорить.

Сбир взял табуретку и сел возле графа, как тот приказал ему, сохраняя однако почтительное расстояние.

– Во-первых, будьте уверены, – продолжал граф, – что я отказываюсь от вашего предложения не по какому-нибудь предубеждению против вас – я вам полностью доверяю. Более двухсот лет ваша фамилия привязана к моей, и мы всегда могли похвалиться вашей преданностью нашим интересам. Отметив это важное обстоятельство, я продолжаю. Положим, что план, придуманный вами, удается, хотя мне кажется, что очень трудно привести его в исполнение, и малейшая случайность может в самое последнее мгновение поставить успех под сомнение. Что случится? Я вынужден бежать без всяких средств, без друзей, и я не только не смогу отомстить своим врагам, как замышляю, но, отданный, так сказать, на произвол судьбы, очень скоро опять попаду к ним в руки и стану объектом насмешек для тех, кого ненавижу. Я буду обесславлен, они станут меня презирать, и мне останется только одно средство расстаться с жизнью, которая потеряет для меня всякий смысл, когда все мои планы будут разрушены, – застрелиться.

– Ах, ваше сиятельство! – вскричал Бульо, сложив руки.

– Я не хочу потерпеть неудачу, – невозмутимо продолжал граф, – в страшной борьбе, что начинается ныне между моими врагами и мной. Я дал клятву, и эту клятву я должен сдержать во что бы то ни стало. Я молод, мне только двадцать пять лет, до сих пор жизнь была для меня сплошным удовольствием, мне все удавалось – и осуществление честолюбивых планов, и достижение богатства, и обретение любви. Теперь меня коснулась горесть… пусть она приходит. Тот, кто не страдал, тот еще не мужчина! Страдание очищает душу и укрепляет сердце. Уединение – хороший советчик, оно позволяет не обращать внимание на маловажные обстоятельства и сосредоточиться на главном; в одиночестве рождаются великие идеи. Я должен закалить свою душу страданием, чтобы отплатить своим врагам сторицей за все, что я вынес. Думая о разбитой карьере, о погибшей будущности, я найду необходимые силы для совершения мщения! Когда мое сердце умрет для всякого другого чувства помимо ненависти, тогда, только тогда я сделаюсь неумолимым и смогу безжалостно растоптать ногами тех, кто теперь

насмехается надо мной и думает, что уже уничтожил меня. И тогда горе тем, кто осмелится помериться со мной! Вы дрожите от того, что я говорю вам, мой старый слуга, – прибавил граф, смягчив голос. – Что же было бы, если б вам позволено было читать в моем сердце! Гнев, бешенство, ненависть против тех, кто безжалостно похитил у меня счастье, чтобы удовлетворить мелкое и преступное честолюбие – вот что вы нашли бы там.

– О, граф! Позвольте старому слуге вашего семейства, человеку, преданному вам, умолять вас отказаться от этих ужасных планов мщения. Ах! Вы сами падете первой жертвой своей ненависти.

– Разве вы не помните, Бульо, – с иронией заметил граф, – что у нас говорят о характере членов того рода, к которому я имею честь принадлежать?

– Да, да, граф, – отвечал сбир, печально качая головой, – помню и даже повторю, если вы желаете.

– Повторите, друг мой.

– Вот, граф, эта поговорка: Les Barmont-Senectaire – haine de demon, coeur de pierre[5].

Граф улыбнулся.

– Ну! Неужели вы полагаете, что я готов запятнать честь моих предков?

– Я ничего не полагаю, сохрани меня Бог! – смиренно отвечал сбир. – Я только с испугом вижу, что вы готовите себе страшную будущность.

– Я принимаю эту будущность во всем ее ужасе, только бы исполнить свою клятву!

– Ах, граф! Вы знаете, человек предполагает, а Бог располагает. Вы теперь пленник кардинала. Подумайте, прошу вас! Кто знает, выйдете ли вы когда-нибудь из тюрьмы, в которую я вас везу? Согласитесь же быть свободным!

– Нет, перестаньте просить. Кардинал не бессмертен. Если не до, то после его смерти – весьма недалекой, я надеюсь, – моя свобода будет мне возвращена. А теперь помните хорошенько вот что: мое намерение настолько неизменно, что если, несмотря на мое нежелание, вы оставите меня здесь, первое, что я сделаю, став свободным, – это тотчас предам себя в руки кардинала. Вы поняли, не правда ли?

Старый слуга склонил голову, ничего не отвечая, и две слезы стекли по его щекам. Эта безмолвная горесть, столь искренняя и столь трогательная, взволновала графа сильнее, нежели он думал. Он встал, взял руку бедного сбира и крепко пожал ее.

– Не будем больше говорить об этом, Бульо, – дружески сказал он. – Хоть я не хочу воспользоваться вашей преданностью, она меня очень тронула, и я сохраню вечную признательность к вам. Обнимите меня, мой старый друг, и не будем поддаваться чувствам – мы мужчины, а не трусливые дети, черт побери!

– О, ваше сиятельство! Я все-таки не стану унывать, – отвечал сбир, бросаясь в открытые для него объятия, – вы мне не помешаете и вблизи и издали думать о вас.

– Я этому не противлюсь, друг мой, – отвечал граф, смеясь, – поступайте как хотите. Притом, – прибавил он серьезно, – признаюсь, я не прочь, оказавшись вдали от света, знать, что там происходит. Может случиться такое непредвиденное обстоятельство, которое изменит мои намерения и заставит меня пожелать возвратить свободу.

– О, будьте спокойны, ваше сиятельство! – вскричал сбир, почти обрадовавшись этому туманному обещанию. – Я устрою так, что вы будете знать все новости. Недаром я шесть лет служу кардиналу, он хороший учитель, я воспользовался его уроками и знаю не одну штуку. Вы увидите меня на деле.

– Итак, решено! Теперь, кажется, неплохо бы позавтракать, прежде чем мы продолжим путь. Я чувствую зверский аппетит.

– Я прикажу трактирщику сейчас подать вам завтрак.

---

[5] У Бармон-Сенектеров – ненависть демонская, сердце каменное. (Фр.)

– Вы будете завтракать со мной, Бульо, – сказал граф, дружески ударяя сбира по плечу, – и надеюсь, что до нашего приезда на остров Сент-Маргерит всегда будет так.

– Конечно, это для меня большая честь, но…

– Я этого хочу. Кроме того, ведь вы составляете часть моего семейства.

Франсуа Бульо поклонился и вышел. Заказав обильный завтрак, он распорядился, чтобы часть конвойных возвратилась в Париж, потом вернулся к графу в сопровождении трактирщика, который в несколько минут накрыл стол и ушел обратно, оставив своих посетителей за блюдами, поставленными перед ними.

Путешествие продолжалось без всяких происшествий, о которых стоило бы упоминать. Разговор пленника со своим стражем был окончательный. Тот слишком хорошо знал характер человека, с которым имел дело, чтобы пытаться возвращаться к предмету, который с первого раза так резко был определен.

В ту эпоху, когда происходила наша история, Франция не была изрезана, как ныне, сетью железных дорог; незначительный переезд требовал огромной траты времени. Тяжелые экипажи с трудом выдерживали тряску и вязли в грязи. Таким образом, несмотря на быстроту езды, прошло семнадцать дней, прежде чем пленник со своим конвоем прибыли в Тулон.

Уже в ту эпоху этот город был одним из важнейших портов Франции. Сердце графа сжалось при въезде в него. В этом городе началась его военная карьера; тут в первый раз он вступил на корабль в качестве капитана, хранителя флага, с честью вынес уготованные ему судьбой испытания и, несмотря на свою молодость, сумел заслужить огромную известность, почти знаменитость.

Карета остановилась на Сенной площади у двери гостиницы «Мальтийский крест», которая, сказать мимоходом, может быть, является старейшей во всей Франции, потому что существует и поныне, хотя и внутренне и внешне подверглась неизбежным переменам.

Удобно разместив своего пленника в гостинице, Франсуа Бульо отправился в город. Если он и поставил часового у двери комнаты графа, то только для того, чтобы исполнить полученное приказание, а не из опасения, что пленник убежит. Он даже не потрудился запереть эту дверь, будучи убежден, что его пленник и не подумает переступить за порог.

Его не было около двух часов.

– Вы долго отсутствовали, – сказал ему граф, когда тот возвратился.

– Мне надо было закончить важные дела, – отвечал Бульо.

Граф, не прибавив ни слова, опять начал ходить взад и вперед по комнате, как он это делал до прихода сбира. Наступило минутное молчание. Бульо находился в очевидном замешательстве. Он суетливо ходил по комнате, делая вид, будто переставляет мебель. Наконец, видя, что граф продолжает молчать и не хочет замечать его присутствия, он остановился перед ним и, пристально посмотрев на него, сказал шепотом:

– Вы меня не спрашиваете, где я был?

– К чему? – беззаботно отвечал граф. – Вы, вероятно, занимались своими делами.

– Нет, ваше сиятельство, вашими!

– Да?

– Да. Вас ожидает «Чайка».

Граф улыбнулся и слегка пожал плечами.

– А-а! Вы думаете об этом… А я-то считал, любезный Бульо, что мы уже решили больше не возвращаться к этому вопросу. Вот для чего вы задержали наш путь, направившись через Тулон! Меня это удивляло, я не понимал, почему вы избрали столь странную дорогу.

– Ваше сиятельство… – прошептал сбир, с мольбой сложив руки.

– Вы помешались, любезный Бульо! Вы, однако, должны знать, что если я принял намерение, дурное или хорошее, то не изменю его никогда. Пожалуйста, прекратите этот разговор. Даю вам честное слово дворянина, что все это бесполезно.

Старый слуга испустил стон, похожий на предсмертный хрип.

– Да будет ваша воля, граф! – сказал он.

– Когда мы едем в Антиб?

– Сейчас, если вы желаете.

– Хорошо; чем скорее, тем лучше.

Сбир поклонился и вышел, чтобы все приготовить к отъезду. Роли переменились, пленник распоряжался своим стражем. Через час граф выехал из Тулона. Всю дорогу граф и сбир пили и ели вместе и разговаривали о посторонних предметах. Бульо наконец убедился, что бесполезно продолжать настаивать, чтобы граф согласился на побег, однако он не отказался от своего намерения, а только отложил его, рассчитывая на действие скуки продолжительного заточения и бездейственной и бесполезной жизни на пылкую натуру своего пленника.

Приехав в Антиб, Бульо по приказанию графа, которому как будто доставляло удовольствие мучить его, стал разыскивать лодку для переезда на остров Сент-Маргерит. Поиски не были ни продолжительными, ни трудными. Имея в руках приказ кардинала, он взял первую же рыбачью лодку и переехал в ней со всеми своими людьми.

Оставляя твердую землю, граф обернулся, и странная улыбка мелькнула на его губах. Бульо, обманутый этой улыбкой, значения которой не понял, наклонился к графу и прошептал:

– Если вы хотите, еще есть время.

Граф посмотрел на него, пожал плечами и ничего не ответил.

Острова Лерен составляют группу из нескольких скал и двух островов, окруженных подводными камнями. Первый называется островом Сент-Маргерит, а второй – Сент-Онорат. В описываемое нами время был укреплен только один из островов, а на другом жили рыбаки и находились развалины монастыря, основанного святым Онора в 400 году.

Остров Сент-Маргерит был необитаем. Никто и не думал поселиться на плоском и представляющем по всей своей длине не совсем безопасное место для пристани судов острове, хотя он чрезвычайно плодоносен и там растут гранатовые, померанцевые и фиговые деревья.

Крепость, довольно важная, которая впоследствии приобрела печальную известность как тюрьма, высилась над прибрежными скалами и занимала большую часть острова. Эта крепость состояла из трех башен, связанных между собой террасами. Время покрыло стены желтоватым мхом; широкий и глубокий ров опоясывал их.

За несколько лет до начала нашего рассказа, в 1635 году, испанцы неожиданно овладели этой крепостью. Кардинал во избежание повторения подобной катастрофы решил поместить в крепости гарнизон из пятидесяти вышколенных солдат под начальством майора, исполнявшего должность губернатора, – старого офицера, которому эта должность служила вместо пенсии и который вдали от забот света вел настоящую жизнь каноника по милости безмолвного соглашения с контрабандистами, которые одни только и приставали к этому острову.

Офицер, командовавший крепостью, был высокий и худощавый старик, с жесткими чертами лица, без руки и без ноги. Его звали де л’Урсьер. Он постоянно ворчал и бранил своих подчиненных. Тот день, когда он уволился из полка, где служил майором, праздновал весь полк, и офицеры и солдаты, – до такой степени ненавидели они этого достойного человека.

Кардинал де Ришелье знал толк в людях; выбрав майора де л’Урсьера в губернаторы острова Сент-Маргерит и превратив его в тюремщика, он нашел именно такое место, которое вполне подходило к его сварливому и злобному характеру.

От этого любезного человека граф де Бармон, без сомнения, должен был зависеть довольно долгое время, потому что кардинал с легкостью сажал в государственную тюрьму дворянина, но не торопился выпускать его, и пленник, кроме какого-нибудь из ряда вон выходящего случая, мог почти наверняка знать, что умрет, забытый в тюрьме, если только, как это случалось иногда, кардиналу не придет на ум приказать отрубить ему голову на площади.

После разных переговоров и нескончаемых предосторожностей, показавших строгую дисциплину, поддерживаемую комендантом, пленника с его конвоем впустили наконец в крепость и привели к майору. Он заканчивал завтрак в ту минуту, как ему доложили о прибытии посланца от кардинала. Майор застегнул мундир, надел шпагу и шляпу и приказал впустить посланного. Франсуа Бульо поклонился и передал ему приказ. Губернатор пробежал бумагу глазами, после чего обратил внимание на графа, который стоял несколько позади, небрежно поклонился ему и сказал сухим и надменным голосом:

– Вы – граф де Бармон, так написано в этой бумаге.

– Да, – ответил граф, кланяясь в свою очередь.

– Я в отчаянии, решительно в отчаянии, – продолжал майор, – но у меня строгие приказания на ваш счет. Однако поверьте – гм! гм! – что я постараюсь соотнести мое природное человеколюбие с предписанной мне строгостью. Гм! гм! Будьте уверены, что я знаю обязанности дворян по отношению друг к другу.

Комендант, без сомнения удовлетворенный своей речью, улыбнулся и самодовольно выпрямился. Граф поклонился и ничего не ответил.

– Вас сейчас проводят в вашу комнату, граф, – продолжал комендант. – Гм! гм! Мне хотелось бы, чтобы эта комната была получше, но я вас не ждал, гм! гм! Позднее мы позаботимся о ваших удобствах. Берлок, – обратился он к солдату, неподвижно стоявшему у двери, – проводи этого господина – гм! гм! – в комнату под номером восемь, во вторую башню. Гм! гм! Это, кажется, самая удобная… К вашим услугам, милостивый государь, к вашим услугам, гм! гм!

Майор ушел в другую комнату, а граф в сопровождении Бульо и конвойных последовал за солдатом, который провел его по нескольким коридорам, потом остановился перед дверью, запертой на огромные запоры.

– Здесь, – сказал он.

Граф обернулся к Бульо и дружески протянул ему руку.

– Прощайте, мой старый друг, – сказал он голосом кротким, но твердым, между тем как неопределенная улыбка блуждала на его губах.

– До свидания, ваше сиятельство, – с чувством воскликнул Бульо и удалился со слезами на глазах.

Дверь со зловещим шумом затворилась за пленником.

– Горе тем, кто осмелится помериться силой с графом де Бармоном, – шептал Бульо, задумчиво спускаясь по лестнице, – если он выйдет из тюрьмы… а он выйдет, клянусь в этом, даже если бы мне пришлось подвергнуть опасности свою жизнь для его спасения!

Глава V
Взгляд назад

Фамилия графов де Бармон-Сенектер была одной из самых старинных и самых знатных в Лондоне; происхождение ее было столь древним, что можно было без опасения утверждать, что оно терялось во мраке времен. Один Бармон-Сенектер сражался в Бувине возле Филиппа-Августа. Жоанвильская хроника говорит о кавалере де Бармон-Сенектере, умершем от чумы в Тунисе в 1270 году, во время Восьмого крестового похода короля Людовика IX. Франциск I на поле сражения при Мариньяно пожаловал Ангеррану де Бармон-Сенектеру титул графа в награду за храбрость и за удары, которые тот наносил на глазах короля в продолжение этой жестокой битвы. Графы де Бармоны всегда делали военную карьеру и дали Франции несколько знаменитых полководцев.

Но с течением времени могущество и богатство этого рода уменьшилось; в царствование короля Генриха III он был доведен почти до бедности. Однако, гордясь безукоризненным прошлым, он продолжал высоко держать голову в провинции, и если, для того чтобы достойно поддержать свое имя, граф де Бармон испытывал жестокие лишения, никто никогда этого не знал.

Граф поступил на службу к королю Наварры, отчасти затем, чтобы по милости войны улучшить свое положение, отчасти из восхищения перед доблестными качествами этого государя, великое будущее которого, быть может, он угадал. Храбрый, молодой, пылкий, красавец собой, граф имел много любовных приключений, и среди прочих одно в Кагоре, с девицей, помолвленной с очень богатым испанцем, которую он успел похитить накануне дня свадьбы. Испанец, очень щепетильный в вопросах чести, требовал удовлетворения от графа, который нанес ему две раны шпагой и оставил лежать замертво на месте. Это происшествие наделало большого шума и принесло графу большой почет между утонченными молодыми людьми, однако, против ожидания, испанец выздоровел от ран. Они опять дрались, и на этот раз граф так отделал своего противника, что тот волей-неволей должен был отказаться от новой дуэли. Это приключение внушило графу отвращение к волокитству, хотя он не опасался последствий ненависти, в которой поклялся ему неудачливый испанец – герцог Пеньяфлор. С тех пор он больше ничего о нем не слышал, но совесть упрекала его в том, что из пустой прихоти он разрушил счастье честного человека.

Храбро сражаясь возле короля во всех его войнах, граф наконец удалился в свое поместье в 1610 году, после смерти Генриха IV, испытывая отвращение к французскому двору и чувствуя потребность к отдохновению после стольких лет трудов.

Там, лет через пять, соскучившись в уединении, в котором он жил, а может быть в надежде прогнать докучливое воспоминание, которое, несмотря на прошедшее время, не переставало его мучить, граф решил жениться на молодой девушке, принадлежавшей к одной из лучших фамилий в провинции, кроткой и прелестной, но такой же бедной, как и он, и положение его делалось день ото дня все труднее. Однако этот союз был счастливым; в 1616 году графиня родила сына, того самого графа Луи, историю которого мы взялись рассказать.

Несмотря на свою нежность к ребенку, граф воспитал его в строгости, желая сделать из него такого же сурового, храброго и честного дворянина, как он сам.

Молодой Луи рано почувствовал, открыв, сколько тайной нищеты скрывается в его фамилии под внешней пышностью, потребность составить себе независимое положение, которое позволило бы ему не только не быть в тягость обожаемым родителям, жертвовавшим для него всем своим доходом, но и вернуть померкший блеск носимого им имени. Вопреки обычаю его предков, которые все служили королю в сухопутных войсках, наклонность увлекла его к

морской службе. Благодаря прилежным попечениям старого и достойного аббата, который из привязанности к его семейству сделался его наставником, он получил приличное образование, которым и воспользовался. Описания путешествий, бывшие любимым его чтением, воспламенили его воображение, и все его мысли обратились к Америке, где, по словам моряков, золото было в изобилии, и он имел только одно желание – тоже побывать на этой таинственной земле и взять свою долю в богатой жатве, которую собирал каждый из побывавших там.

Отец его и особенно мать долго противились его просьбам. Старик, воевавший столько лет, не понимал, как сын его может предпочитать морскую службу военной. Графиня в душе не желала видеть своего сына ни военным, ни моряком; обе эти профессии пугали ее. Она опасалась неизвестности далеких странствий, и сердце ее страшилось разлуки, которая могла быть вечной.

Однако надо было решиться, и, так как молодой человек упорно стоял на своем, родители вынуждены были уступить и согласиться с его желанием, каковы бы ни были последствия.

Граф сохранил при дворе нескольких друзей, среди которых был и герцог де Белльгард, пользовавшийся большим расположением короля Людовика XIII, прозванного при жизни Справедливым, потому что он родился под знаком созвездия Весы. Граф де Бармон был также прежде дружен с герцогом д'Эперноном, произведенным в адмиралы в 1587 году, но графу не хотелось обращаться к нему по причине слухов, распространившихся после убийства Генриха IV. Однако в таких важных обстоятельствах граф понял, что для пользы сына он должен заставить умолкнуть свои чувства, и, отправив письмо герцогу де Белльгарду, он написал другое к герцогу д'Эпернону, который в то время был губернатором Гвианы.

Оба ответа не заставили себя ждать. Старые друзья графа де Бармона не забыли его и поспешили употребить свое влияние, чтобы услужить ему, особенно герцог д'Эпернон, находившийся благодаря своему адмиральскому званию в лучшем положении в деле помощи молодому человеку. Герцог писал, что с радостью берется выдвинуть его в высший свет.

Это было в начале 1631 года. Луи де Бармону было тогда пятнадцать лет. Высокого роста, с гордым и надменным видом, одаренный редкой силой и большой ловкостью, молодой человек казался старше своих лет. С живейшей радостью узнал он, что его желание исполнилось и что больше нет никаких препятствий для его поступления во флот. В письме герцога д'Эпернона заключалась просьба к графу прислать его сына в Бордо как можно скорее, чтобы он, герцог, немедленно мог определить его на военное судно, где юноша начнет постигать азы морской службы.

Через два дня после получения этого письма молодой человек с трудом вырвался из объятий матери, почтительно простился с отцом и на хорошей лошади в сопровождении доверенного слуги уже ехал по дороге в Бордо.

Флот долгое время находился в пренебрежении во Франции, и в Средние века морское дело было полностью предоставлено частным лицам, правительство не интересовалось им, в отличие от других континентальных государств, которые приобрели если не превосходство, то по крайней мере некоторое влияние на морях. Так, мы видим, что в царствование Франциска I, который, однако, был одним из самых воинственных французских королей, арматор[6] из Дьеппа Анго, у которого в мирное время португальцы отняли судно, с позволения короля, не имевшего возможности оказать ему поддержку, снарядил целый флот за свой счет и блокировал лиссабонский порт, прекратив враждебные действия только тогда, когда заставил португальцев направить во Францию посланников смиренно просить мира у короля.

С открытием Нового Света и не менее важным открытием мыса Доброй Надежды характер мореплавания становился все более оживленным, оно стало охватывать все большие и

[6] Арматор – частное лицо, снаряжающее суда за свой счет.

большие территории. Это заставило французскую корону осознать необходимость создания военного флота для защиты торговых судов от нападения пиратов.

Только в царствование Людовика XIII эта мысль начала приводиться в исполнение. Кардинал де Ришелье, чей ум охватывал широчайшие области и которого английский флот заставил пережить немало неприятных минут во время продолжительной осады Ла-Рошели, издал несколько указов, относившихся к флоту, и основал школу навигации для воспитания молодых дворян, желавших служить во флоте.

Франция обязана этому великому министру первой мыслью о военном флоте, которому суждено было бороться с испанским и голландским флотом, а в царствование Людовика XIV приобрести такое важное значение и поколебать на время могущество Англии.

В эту-то школу, основанную Ришелье, и поступил виконт де Бармон благодаря влиянию герцога д'Эпернона. Старый герцог строго сдержал слово, данное своему товарищу по оружию: он не переставал покровительствовать молодому человеку, что, впрочем, было для него легко, так как виконт выказывал необыкновенные и весьма редкие в то время способности в деле освоения избранной им профессии.

В 1641 году он был уже капитаном и командиром двадцатишестипушечного фрегата.

К несчастью, ни старый граф де Бармон, ни жена его не могли насладиться успехами сына и новыми перспективами, открывавшимися для их дома: оба умерли, один вскоре после другого, оставив молодого человека сиротой в двадцать два года.

Луи, как почтительный сын, истинно любивший своих родителей, оплакивал их, особенно горевал он о матери, которая всегда была так добра и нежна к нему, но так как за несколько лет уже привык жить один, уходя в долгие плавания, и полагаться только на самого себя, эта потеря была для него менее чувствительна и менее горестна, чем если бы он никогда не оставлял родительского крова.

Оставшись теперь единственным представителем своего дома, он стал серьезно смотреть на жизнь и удвоил усилия, чтобы вернуть былую славу своему имени – имени, которое благодаря его рвению уже начинало сиять новым блеском.

Герцог д'Эпернон был еще жив, но, забытый обломок поколения, почти совершенно исчезнувшего, больной старик, давно поссорившийся с кардиналом Ришелье, он не имел уже никакого влияния и ничего не мог сделать для того, кому он так горячо покровительствовал несколько лет тому назад. Но граф не терял бодрости духа. Дворянство не любило морскую службу, хорошие морские офицеры были редки; граф де Бармон думал, что, не вмешиваясь в политические интриги, он проложит себе путь наверх.

Случай, который невозможно было предвидеть, должен был разрушить его честолюбивые планы и навсегда погубить его карьеру. Вот как это случилось.

Граф де Бармон командовал «Эригоной», двадцатишестипушечным фрегатом, и после довольно продолжительного плавания у алжирских берегов, защищая французские торговые суда от варварийских пиратов[7], вошел в Гибралтарский пролив, чтобы потом выйти в океан и возвратиться в Брест. Но в ту минуту, когда он входил в пролив, его вдруг застиг встречный ветер, и после отчаянных попыток продолжить путь он был вынужден лавировать несколько часов и наконец укрыться в гавани города Альхесираса, на испанском берегу.

Зная по опыту, что пройдет дня три или четыре, прежде чем ветер позволит ему пересечь пролив, он приказал спустить лодку и отправился на берег. Город Альхесирас, очень древний, был невелик, плохо выстроен и малонаселен. Только с тех пор как англичане овладели Гибралтаром, находящимся по другую сторону бухты, испанцы поняли важность Альхесираса и превратили его в образцовый порт.

---

[7] Варварийские пираты создали в начале XVI века на средиземноморском побережье Северной Африки пиратское государство, в течение трех веков терзавшее средиземноморскую навигацию и торговлю.

У графа не было никакой другой причины ехать в Альхесирас, кроме беспокойства, свойственного морякам, побуждающего их оставлять свой корабль тотчас, как только они подойдут к пристани.

Торговые связи тогда еще не были налажены так хорошо, как в теперешние времена, правительства еще не имели обыкновения посылать в иностранные порты консулов, чтобы защищать торговые операции своих соотечественников. Военные суда, которые случай приводил в какое-либо место, должны были оказывать поддержку находящимся там торговцам из родной страны, интересы которых ущемлялись.

Отдав приказание шлюпке прибыть за ним на закате солнца, капитан в сопровождении только одного матроса по имени Мигель, к которому он был очень привязан и который сопровождал его повсюду, отправился по извилистым улицам Альхесираса, с любопытством осматривая все, что представлялось его глазам.

Этот Мигель, о котором нам часто придется говорить впоследствии, был огромного роста малый, лет тридцати, с умным лицом, питавший к своему капитану неограниченную преданность с тех пор, как тот спас его с риском для своей собственной жизни, бросившись на лодке в открытое море в ужасную погоду, чтобы оказать помощь Мигелю, когда четыре года тому назад тот упал в воду с мачты, поправляя зацепившиеся снасти. С тех пор Мигель не расставался с графом. Родившись в окрестностях По, на родине Генриха IV, он был, подобно этому королю, своему соотечественнику, весел, насмешлив и слегка скептичен. Превосходный матрос, отчаянно храбрый, обладавший необыкновенной силой, Мигель олицетворял собой типичного баска, натуру сильную и грубую, но честную и верную.

Только одно существо разделяло в сердце Мигеля безграничную любовь, которую он питал к своему командиру. Это был бретонский матрос, мрачный и угрюмый, составлявший с Мигелем полную противоположность. Из-за медлительного характера этого матроса экипаж прозвал его Тихий Ветерок, и тот так привык к этому имени, что почти забыл свое настоящее.

Услугу, которую граф оказал Мигелю, Мигель оказал Тихому Ветерку и по этой причине искренне привязался к бретонцу, хоть и насмехался над ним и дразнил с утра до вечера.

Бретонец это понимал и, насколько позволял его сосредоточенный и необщительный характер, при каждом удобном случае выказывал свою признательность баску, полностью подчиняясь ему во всех своих поступках и никогда не возмущаясь требованиями, часто непомерными, своего ментора.

Мы так долго говорили об этих двух людях потому, что им придется играть важную роль в нашем повествовании и читателю необходимо узнать их как следует.

Граф и матрос продолжали прогуливаться по улицам, один размышлял и наслаждался солнцем, другой из уважения оставался в нескольких шагах позади, отчаянно куря трубку с таким коротким чубуком, что огонь почти касался его губ. Гуляющие скоро дошли до окраины города и отправились по тропинке, окаймленной кустами алоэ, которая довольно круто взбегала на вершину холма, откуда открывалась вся панорама залива, – сказать мимоходом, одного из прекраснейших в мире.

Было около двух часов пополудни – самое жаркое время дня; все удалились в дома для сиесты[8], так что моряки не встретили ни одной живой души, и если бы «Тысяча и одна ночь», переведенная столетием позже, была известна в то время, граф без особых усилий вообразил бы себе, что это город из арабских сказок, жителей которого усыпил злой волшебник, – так вокруг было тихо и пустынно. Словно усиливая это впечатление, ветер спал, воздух был неподвижен, и обширная водяная скатерть, расстилавшаяся у ног графа, замерла, словно скованная льдом.

[8] Сиеста – полуденный отдых.

Граф задумчиво остановился и рассеянно смотрел на свой фрегат, издали казавшийся небольшой лодкой. Мигель все курил и, широко расставив ноги и заложив руки за спину – любимая поза моряков, – любовался окрестностями.

– Смотрите, смотрите! – сказал он вдруг.

– Что такое? – спросил граф, обернувшись.

– Сюда галопом несется всадница. Что за странная фантазия скакать в такую жару!

– Где? – спросил граф.

– Вон там, капитан, – ответил Мигель, протягивая руку.

Граф устремил взгляд в ту сторону, куда указывал Мигель.

– Эта лошадь взбесилась! – вскричал он через минуту.

– Вы так думаете, капитан? – спокойно спросил матрос.

– Я уверен! Посмотри, теперь она ближе. Всадница отчаянно вцепилась в гриву, несчастная погибла!

– Очень может быть, – философски заметил Мигель.

– Скорее, скорее! – вскричал капитан, бросаясь в ту сторону, откуда неслась лошадь. – Необходимо спасти эту женщину, даже если бы нам пришлось погибнуть!

Матрос ничего не ответил, он только из предосторожности вынул трубку изо рта и положил ее в карман, после чего побежал за своим капитаном.

Лошадь мчалась как ураган. Это была берберийская лошадь чистейших арабских кровей, с маленькой головой и тонкими ногами. Она бешено скакала по узкой тропинке, в глазах ее сверкали молнии, а из расширенных ноздрей как будто вылетал огонь. Всадница, ухватившись обеими руками за длинную гриву, обезумев от страха, чувствовала себя погибшей и время от времени глухо вскрикивала. Далеко позади нее, почти неприметными точками на горизонте, во весь опор скакали несколько всадников. Тропинка, по которой мчалась лошадь, была узкой, каменистой и вела прямо к глубочайшей пропасти, к которой лошадь неслась с головокружительной быстротой. Только безумец или человек, наделенный мужеством льва, мог пытаться спасти несчастную женщину. Однако оба моряка, не рассуждая и не колеблясь, стали друг напротив друга по правую и левую сторону дороги и молча ждали. Они поняли друг друга.

Прошло две или три минуты, и лошадь пролетела мимо подобно вихрю, но граф и матрос молниеносно кинулись к ней, ухватились за поводья, и бешеное животное потащило их. С минуту продолжалась борьба разума с животной силой, наконец лошадь была побеждена и, хрипя, повалилась на землю. Граф схватил на руки молодую женщину, столь чудесно спасенную, и отнес ее на дорогу, где почтительно положил на землю. Всадница от страха лишилась чувств.

Граф, догадываясь, что подъезжавшие всадники приходились родственниками или друзьями той, которой он оказал такую важную услугу, привел в порядок свою одежду и молча ждал, с восхищением глядя на молодую женщину, распростертую у его ног.

Это была восхитительная семнадцатилетняя девушка, с тонкой и гибкой талией, с прелестнейшими чертами лица; черные волосы, длинные и шелковистые, выбились из-под сетки, удерживавшей их, и душистыми локонами рассыпались по лицу, легкий румянец указывал на быстрое возвращение к жизни. Костюм этой молодой особы, чрезвычайно богатый, заставил бы догадаться о знатном происхождении, даже если бы печать аристократии, разлитая по всей ее наружности, не уничтожала все сомнения на этот счет.

Мигель с отличавшим его невозмутимым спокойствием, из которого ничто не могло его вывести, остался возле лошади, которая, успокоившись от падения и дрожа всем телом, встала без сопротивления. Мигель снял с нее подпругу, сорвал горсть травы и начал обтирать, восхищенно бормоча:

– Какое благородное и прекрасное животное! Было бы жаль, если бы оно упало в эту ужасную пропасть. Я рад, что оно спаслось!

О молодой девушке достойнейший матрос вовсе не думал; весь его интерес сосредоточился на лошади. Обтерев ее травой, Мигель опять взнуздал ее и отвел к графу.

– Вот, – сказал он с довольным видом, – теперь она усмирилась; ребенок может вести ее на веревке.

Между тем всадники быстро приближались и скоро подъехали к французским морякам.

Глава VI
Увлечение

Всадников было четверо. Двое казались важными людьми, двое других были одеты слугами. В нескольких шагах от графа двое первых сошли с лошадей, бросили узду, подошли с шляпами в руках к графу и поклонились ему с изящной вежливостью. Граф отвечал им вежливым поклоном, украдкой рассматривая их. Первый был человек лет шестидесяти, высокого роста, походка его была благородна, лицо казалось красивым с первого взгляда, выражение его было величественным, хотя кротким и даже доброжелательным, но, рассматривая его с большим вниманием, можно было приметить по мрачному огню глаз, которые иногда бросали зловещие молнии, что эта кротость была только маской, чтобы обманывать окружающих; выдающиеся скулы, довольно низкий, хотя и широкий, лоб, нос, загнутый как птичий клюв, и квадратный подбородок показывали холодную злость, смешанную с сильной долей упрямства и гордости.

На этом человеке был богатый охотничий костюм с вышивкой, а массивная золотая цепь, называвшаяся тогда фанфаронкой, несколько раз обвивала его шляпу с султаном из страусовых перьев. Эту фанфаронку ввели в моду авантюристы, возвращавшиеся из Новой Испании, и, как ни была она смешна, горделивые кастильцы с восторгом принялись ее носить.

Спутник этого человека был гораздо моложе его, но одет столь же богато. Черты его лица казались сначала такими обыкновенными и незначительными, что наблюдатель прошел бы мимо, не обратив на них никакого внимания, но его маленькие серые глазки, полуприкрытые густыми бровями, сверкали хитростью, а линия рта с тонкими и насмешливыми губами совершенно опровергла бы предположение физиономиста, подумавшего, что человек этот недалекого ума и посредственных способностей.

Старший из всадников поклонился во второй раз.

– Милостивый государь, – сказал он, – я герцог Пеньяфлор. Та, кому вы спасли жизнь, подвергая опасности собственную, – моя дочь донья Клара Пеньяфлор.

Граф был уроженец Лангедока и говорил по-испански так чисто, словно на родном языке.

– Я очень рад, – ответил он с любезным поклоном, – что послужил орудием Провидению и сохранил дочь отцу.

– Мне кажется, – заметил второй всадник, – следовало бы оказать помощь донье Кларе; милая кузина наверняка серьезно пострадала.

– Не беспокойтесь, – ответил граф, – причиной обморока было всего лишь волнение. Если не ошибаюсь, мадемуазель уже начинает приходить в себя.

– В самом деле, – сказал герцог, – я, кажется, видел, что она сделала легкое движение. Лучше ее не трогать и дать опомниться, таким образом мы избегнем потрясения, последствия которого очень опасны для созданий нервных и впечатлительных – таких, как моя милая дочь.

Все это было сказано холодным, сдержанным и размеренным тоном, весьма отличающимся от того, какой должен был употребить отец, дочь которого чудом избежала смерти. Молодой офицер не знал, что и думать об этом истинном или притворном равнодушии. Но это была только испанская спесь. Герцог любил свою дочь так сильно, как только позволяла его высокомерная и честолюбивая натура, но ему было неловко проявлять свои чувства при посторонних.

– Милостивый государь, – продолжал герцог после минутного молчания, посторонившись, чтобы представить сопровождавшего его господина, – имею честь рекомендовать вам моего родственника и друга, графа дона Стенио де Безар-Суза.

Оба поклонились. Граф не имел никакой причины сохранять инкогнито, он понял, что настала минута сказать, кто он такой.

– Господа, – сказал он, – я граф Луи де Бармон-Сенектер, капитан флота его величества французского короля и командир фрегата «Эригона», в настоящее время стоящего на якоре в бухте Альхесираса.

Услышав имя графа, герцог страшно побледнел, брови его нахмурились, и он бросил на графа странный взгляд. Но смятение его продолжалось не более секунды, необыкновенным усилием воли испанец сумел скрыть в глубине сердца чувства, охватившие его, придал своему лицу прежнее бесстрастное выражение и с улыбкой поклонился. Лед был растоплен, эти трое узнали друг в друге людей благородного происхождения, их обращение друг к другу тотчас изменились, они сделались так же любезны, как прежде были холодны и сдержаны. Герцог первый возобновил разговор самым дружеским тоном.

– Вы, вероятно, пользуетесь перемирием, объявленным некоторое время тому назад между двумя нашими странами, чтобы посетить эти края?

– Извините, герцог, я не знал, что враждебные действия между нашими армиями прекратились; я давно уже в море и не получаю известий из Франции. Случай привел меня к этим берегам. Несколько часов тому назад я укрылся в бухте Альхесираса, чтобы переждать, пока переменится ветер и позволит пересечь пролив.

– Я благословляю этот случай, граф, ему я обязан спасением своей дочери.

Донья Клара раскрыла глаза и, хотя была еще очень слаба, постепенно начинала вспоминать, что произошло.

– О! – промолвила она, вся трепеща, тихим и дрожащим голосом. – Без этого кабальеро я бы умерла.

Она силилась улыбнуться, устремив на молодого человека большие глаза, наполненные слезами, с выражением признательности, которое невозможно описать.

– Как вы себя чувствуете, дочь моя? – спросил герцог.

– Теперь я совершенно оправилась, благодарю вас, отец, – ответила она. – Когда я почувствовала, что Морено перестал повиноваться уздечке и понес, я сочла себя погибшей и от страха лишилась чувств… Но где же бедный Морено? – прибавила она через минуту. – Не случилось ли с ним несчастья?

– Успокойтесь, сеньорита, – ответил граф с улыбкой и указал на коня, – он цел и невредим и совсем успокоился. Вы можете даже, если вам угодно, без всякого опасения возвратиться на нем домой.

– Конечно, я поеду на добром Морено, – сказала донья Клара. – Я нисколько не сержусь на него за его шалость, хотя она могла дорого обойтись мне.

– Граф, – сказал тогда герцог, – смею надеяться, что мы не расстанемся таким образом и что вы удостоите принять дружелюбное гостеприимство, которое я предлагаю вам в своем замке.

– К несчастью, я не хозяин своим поступкам, герцог; долг службы требует моего немедленного возвращения на фрегат. Уверяю вас, я очень сожалею, что не могу ответить на ваше благосклонное предложение иначе как отказом.

– Неужели вы так скоро отправляетесь в море?

– Нет, напротив, я надеюсь, – отвечал граф, сделав ударение на этих словах, – остаться здесь еще на некоторое время.

– Раз так, – возразил, улыбнувшись, герцог, – я не принимаю вашего отказа и уверен, что скоро мы увидимся и познакомимся поближе.

– Это мое живейшее желание, – отвечал молодой человек, украдкой бросив взгляд на донью Клару, которая покраснела и потупила глаза.

Граф простился со всеми и направился к Альхесирасу, между тем как всадники удалились шагом в диаметрально противоположном направлении. Капитан шел, задумавшись, вспоминая странное приключение, героем которого он так неожиданно сделался, воскрешая в памяти малейшие подробности, восхищаясь необыкновенной красотой девушки, которой он имел счастье спасти жизнь.

Постоянно занятый делами службы, почти всегда находясь в море, граф, хотя ему было уже около двадцати пяти лет, не любил никого, никогда даже не думал о любви. Женщины, которых он видел до сих пор, не произвели никакого впечатления на его сердце, мысли его всегда оставались свободны, и никакое серьезное чувство не смутило еще спокойствия его души. Поэтому с некоторым испугом, смешанным с удивлением, думал он о встрече, которая вдруг прервала его спокойную прогулку, и вдруг обнаружил, что красота доньи Клары и ее милые слова произвели на него сильное впечатление, что ее образ не оставлял его, и память его напоминала в самых мелких подробностях короткий разговор, который он вел с ней.

– Полно, полно! – сказал он, несколько раз покачав головой, как бы для того, чтобы прогнать докучливую мысль. – Я, верно, сошел с ума.

– Что вы говорите, капитан? – спросил Мигель, воспользовавшийся этим восклицанием, чтобы дать волю размышлениям, которые он горел нетерпением выразить вслух. – Надо признаться, эта молодая особа должна быть счастлива, что мы подоспели вовремя.

– Действительно, очень счастлива, Мигель, – отвечал граф, – без нас несчастная девушка погибла бы.

– Это правда. Бедняжка!

– Это было бы ужасно. Она так молода и хороша собой!

– Недурна, только я нахожу ее немножко худощавой и чересчур уж бледной.

Граф улыбнулся, услышав такую оценку красоты девушки. Ободренный матрос продолжал:

– Позволите ли вы дать один совет, капитан?

– Какой? Говори, не бойся.

– Бояться-то я не боюсь, черт меня побери, только мне бы не хотелось вас огорчать.

– Огорчить меня, Мигель? Чем?

– Вот видите ли, капитан, когда вы сказали ваше имя старому герцогу…

– Ну, что же случилось?

– Случилось то, что, услышав его, он вдруг побледнел как смерть, нахмурил брови да так страшно на вас посмотрел, что мне представилось, будто он хочет вас убить. Вам не кажется это странным, капитан?

– То, что ты говоришь, невозможно; ты ошибаешься.

– Вы этого не заметили, потому что опустили голову, а я видел и знаю точно то, о чем говорю.

– Но послушай, Мигель, я не знаю этого господина, я никогда его не видел. С какой же стати должен он меня ненавидеть? Ты мелешь чепуху, друг мой.

– Нет, капитан, я знаю наверное то, что говорю. Знаете вы его или нет, это не мое дело, а что он вас знает, и даже достаточно хорошо, об этом я побьюсь об заклад; впечатление, которое вы произвели на него, так сильно, что иначе быть не может.

– Согласен, если ты уж непременно утверждаешь, что он знает меня; но, по крайней мере, я знаю точно, что никогда и ничем его не оскорблял.

– Этого никогда нельзя знать наверняка, капитан. Видите ли, я баск и давно знаю испанцев. Это странный народ; они горды, как петухи, и злопамятны, как демоны. Поверьте мне, остерегайтесь их всегда, это не повредит. Притом у этого старика лицо такое хитрое, оно мне очень не нравится.

– Во всех твоих размышлениях нет здравого смысла, Мигель, и я, верно, такой же сумасшедший, как и ты, раз слушаю тебя.

– Хорошо, хорошо, – произнес матрос, качая головой, – мы еще увидим, ошибся ли я.

На том разговор и закончился; однако слова Мигеля занимали капитана больше, чем он хотел показать, и граф возвратился на фрегат с озабоченным видом.

На другой день к десяти часам утра к фрегату подплыла щегольская шлюпка. В шлюпке сидели герцог Пеньяфлор и граф де Безар-Суза, его молчаливый кузен.

– Право, любезный граф, – сказал герцог добродушным тоном после первых слов приветствий, – вы, вероятно, сочтете меня бесцеремонным и взбалмошным, но я приехал вас увезти.

– Увезти? – с улыбкой переспросил молодой человек.

– Истинная правда. Представьте себе, граф, что моя дочь непременно хочет вас видеть. Она говорит только о вас, а так как делает со мной почти все, что ей заблагорассудится, – чему, вероятно, вы не удивляетесь, – она послала меня к вам, приказав непременно привезти вас в замок.

– Действительно, – сказал, поклонившись, дон Стенио, – сеньорита донья Клара непременно хочет видеть вас, капитан.

– Однако… – возразил граф.

– Я решительно ничего не желаю слушать, – живо возразил герцог, – вы должны решиться, любезный граф, вам придется повиноваться, вы знаете, что дам ослушаться нельзя. Едем же! Но успокойтесь, я увезу вас недалеко – мой замок находится в двух милях отсюда.

Граф, в душе испытывавший сильное желание увидеть донью Клару, заставил упрашивать себя только из приличия, потом, отдав необходимые приказания своему лейтенанту, он поехал с герцогом Пеньяфлором в сопровождении Мигеля, который казался тенью своего капитана.

Вот каким образом началось знакомство, которое почти тотчас перешло в любовь и потом имело такие ужасные последствия для несчастного офицера. Герцог и неразлучный с ним кузен осыпали графа уверениями в дружбе, предоставили ему полную свободу в замке и как будто не замечали привязанности, возникшей между доньей Кларой и молодым человеком.

Тот, совершенно поглощенный своей страстью к девушке, предавался любви с доверчивым и необузданным влечением сердца, впервые познавшего любовь. Донья Клара, наивная молодая девушка, воспитанная с суровой строгостью испанских нравов, но андалузка с ног до головы, с трепетом счастья приняла признание в любви, которую она разделяла с первой минуты. Итак, все казались счастливы в замке, только Мигель портил все своим хмурым видом; чем быстрее дело приближалось к развязке, которой так желали молодые люди, тем более мрачен и озабочен становился он.

Между тем фрегат ушел в Кадис. Герцог, его дочь и дон Стенио отплыли на этом фрегате; герцогу Пеньяфлору нужно было отправиться в Севилью, где у герцога было большое имение. Он с большой радостью принял предложение, сделанное ему графом, доставить его на фрегате до Кадиса, который находится всего в двадцати с небольшим милях от Севильи.

На другой день по прибытии фрегата в Кадис капитан надел свой парадный мундир и отправился к герцогу Пеньяфлору. Герцог, зная о его визите, принял графа с улыбкой на губах и с самым дружеским видом. Ободренный приемом, граф, преодолевая свою робость, стал по всей форме просить руки доньи Клары. Герцог благосклонно принял это предложение, сказав, что ожидал его и что оно отвечает его искреннему желанию, так как составит счастье обожаемой им дочери. Он лишь заметил, что, хотя между обеими странами заключено перемирие, однако мир еще не подписан, хотя, по всей вероятности, это скоро случится; поэтому он боится, как бы известие об этом браке не повредило карьере графа, настроив кардинала против него. Эта мысль уже неоднократно приходила в голову молодому офицеру, поэтому он потупил голову, не смея отвечать, так как, к несчастью, не имел никакого основательного довода, чтобы

опровергнуть возражение герцога. Тот подоспел к нему на помощь, сказав, что знает очень простой способ устроить все ко всеобщему удовольствию и обойти это, казалось бы, непреодолимое затруднение. Граф, трепеща от страха и надежды, спросил, какой же это способ. Герцог объяснил ему тогда, что дело идет всего лишь о тайном браке. Пока продолжается война, тайна будет сохраняться, но тотчас по заключении перемирия, когда в Париж будет направлено посольство, о браке объявят кардиналу, которого, вероятно, уже не оскорбит этот союз.

Мечты молодого человека о счастье были так близки к краху, что он не привел ни малейшего возражения на предложение герцога. Брак, хотя и тайный, будет тем не менее действителен, а до остального ему было мало дела, и потому он согласился на все условия, которые наложил на него герцог, потребовавший, чтобы брак совершился будто бы втайне от него на случай, если враги постараются настроить короля против него. Ведь тогда он сможет сослаться на свое неведение и таким образом преодолеть недоброжелательность тех, кто ищет возможности погубить его.

Граф не совсем понял, какое дело испанскому королю до его брака, но так как герцог говорил убежденным тоном и, по-видимому, очень боялся неудовольствия короля, то граф согласился на все.

Через два дня, с наступлением ночи, молодые люди были тайно обвенчаны в церкви Мерсед священником, согласившимся за большую сумму помочь этому не совсем законному делу. Мигель Баск и Тихий Ветерок были свидетелями у своего командира, который по настоятельной просьбе герцога не сообщил о своей тайне ни одному из своих офицеров. Тотчас после обряда венчания свидетели новобрачной увезли ее в одну сторону, между тем как ее муж, очень раздосадованный, возвратился на свой фрегат.

Когда на следующий день граф явился к герцогу, тот сказал ему, что, для того чтобы лишить недоброжелателей всякого повода к сплетням, он счел за лучшее удалить свою дочь на некоторое время и отослал ее к одной родственнице, жившей в Гранаде. Граф ничего не ответил и ушел, сделав вид, будто его убедили не совсем правдоподобные доводы тестя. Однако он начинал находить поступки герцога очень странными и решил рассеять сомнения, возникшие в его голове.

Тихий Ветерок и Мигель Баск были отправлены разузнать все, что можно. Не без удивления граф узнал от них, что после двухдневных поисков им удалось выяснить, что донья Клара находится не в Гранаде, а в очаровательном городке Санта-Мария, расположенном напротив Кадиса, на противоположном берегу рейда. Собрав все необходимые ему сведения, он послал с Мигелем, который говорил по-испански как севильский уроженец, письмо к донье Кларе, и с наступлением ночи в сопровождении своих верных матросов высадился на берегу в Санта-Марии. Дом, в котором жила девушка, стоял довольно уединенно. Граф поставил матросов караулить, а сам направился прямо к дому.

Отворила дверь сама донья Клара. Радость супругов была безмерна. Незадолго до восхода солнца граф ушел. К десяти часам он отправился, как обычно, с визитом к тестю, перед которым продолжал разыгрывать полнейшее неведение относительно местопребывания доньи Клары. Герцог принял графа очень хорошо. Так продолжалось около месяца. Однажды граф неожиданно получил известие о возобновлении враждебных действий между Францией и Испанией. Он был вынужден оставить Кадис, но хотел нанести последний визит герцогу и потребовать от него откровенно объяснить свое поведение; в том случае, если это объяснение не удовлетворит его, он решил похитить жену и увезти ее с собой.

Когда граф пришел к герцогу, доверенный слуга герцога сказал ему, что его господина вдруг потребовал к себе король и он уехал в Мадрид час назад, не имея даже времени, к своему величайшему сожалению, проститься с графом. При этом известии у графа возникли предчувствия какого-то несчастья, он побледнел, но сумел справиться с волнением и холодно спросил, не оставил ли его господин письма или записки на его имя. Слуга ответил утвердительно и

подал графу запечатанный конверт. Дрожащей рукой граф сорвал печать и пробежал письмо глазами, но при чтении того, что заключалось в этом письме, его волнение сделалось таким сильным, что он зашатался, и если бы слуга не бросился его поддержать, он упал бы на пол.

– Да! – прошептал он. – Мигель был прав!

Граф с бешенством скомкал письмо в руках. Резко выпрямившись, он сумел взять себя в руки и, дав слуге несколько луидоров, удалился поспешными шагами.

– Бедный молодой человек! – прошептал слуга, печально качая головой.

Глава VII
Отчаяние

В нескольких шагах от гостиницы, где остановился герцог, к графу подошел Мигель.

– Скорее, скорее шлюпку, мой добрый Мигель! – вскричал он. – Речь идет о жизни и смерти!

Матрос, испуганный тем состоянием, в котором он увидел своего командира, хотел спросить, что случилось, но тот заставил его молчать, повторив приказание сейчас же достать лодку. Мигель потупил голову.

– Увы! Я предвидел это, – горестно прошептал он и бросился к гавани.

Лодку в Кадисе найти было не трудно; Мигелю оставалось только выбрать. Понимая, что граф торопится, он нанял лодку с десятью веслами. Граф подошел почти тотчас же.

– Десять луидоров вам и вашему экипажу, если вы будете в Пуэрто через двадцать минут! – вскричал он, бросаясь в лодку, которая чуть было не опрокинулась от сильного толчка. Матросы склонились над веслами, и лодка полетела по воде. Капитан, упорно устремив глаза на Санта-Марию, беспрестанно повторял задыхающимся голосом:

– Скорее, скорее!

Они стрелой пролетели мимо фрегата, который готовился сняться с якоря. Наконец они достигли Санта-Марии.

– Никто не должен идти за мной! – крикнул капитан, спрыгнув на берег.

Но Мигель не обратил никакого внимания на это приказание и бросился в погоню за графом, которого не хотел бросать в таком ужасном положении. Хорошо, что он решился на это, – когда он добежал до дома, где жила донья Клара, он увидел, что молодой человек лежит без чувств на земле, дом пуст, а донья Клара исчезла. Матрос взвалил капитана себе на плечи и добежал до шлюпки, где уложил его так осторожно, как только мог.

– Куда ехать? – спросил лодочник.

– К французскому фрегату, и как можно скорее, – отвечал Мигель.

Когда лодка подплыла к фрегату, Мигель заплатил лодочнику обещанную награду, потом с помощью матросов перенес капитана в каюту. Так как прежде всего необходимо было сохранить тайну графа и не возбудить подозрений, матрос в своем рапорте лейтенанту приписал состояние, в котором находился капитан, падению с лошади, после чего, сделав знак Тихому Ветерку следовать за ним, спустился в каюту капитана. Граф де Бармон лежал неподвижно, как мертвый. Судовой врач фрегата ухаживал за ним, но не мог пробудить его к жизни, как будто покинувшей его навсегда.

– Удалите ваших помощников, довольно будет нас с Тихим Ветерком, майор, – сказал Мигель доктору, сделав ему знак.

Врач все понял и отпустил своих помощников. Когда дверь затворилась за последним из них, матрос отвел доктора в сторону и сказал ему так тихо, что его слова мог услышать один только доктор:

– Майор, командир узнал очень горестное известие, вызвавшее тяжелый кризис, которому он подвергся в эту минуту. Я сообщаю это вам, майор, потому что доктор все равно что духовник.

– Можешь быть спокоен, мой милый, – отвечал врач, – тайна командира в надежных руках.

– Я убежден в этом, майор. Пусть весь экипаж думает, будто командир упал с лошади, понимаете?.. Я уже говорил об этом лейтенанту, подавая рапорт.

– Очень хорошо. Я подтвержу твои слова.

– Благодарю, майор. Теперь мне остается задать вам еще один вопрос.

– Говори.

– Вы должны получить от лейтенанта разрешение, чтобы из всего экипажа никто, кроме Тихого Ветерка и меня, не ухаживал за командиром. Видите ли, майор, мы его старые матросы, он может говорить при нас все не стесняясь; кроме того, ему будет приятно видеть нас возле себя. Вы получите разрешение от лейтенанта, майор?

– Да, мой друг, я знаю: ты человек честный и очень привязан к командиру; знаю также, что он полностью доверяет тебе; поэтому не тревожься, я все устрою. Только ты и твой товарищ будете входить сюда вместе со мной, пока граф болен.

– Крайне вам признателен, майор. Если представится случай, я отблагодарю вас. Говорю вам по чести, как баск, вы – предостойный человек.

Врач расхохотался.

– Вернемся к нашему больному, – сказал он, чтобы прекратить разговор.

Несмотря на все принятые врачом меры, обморок графа продолжался целый день.

– Потрясение слишком сильно, – заметил врач, – могло произойти кровоизлияние в мозг.

Только к вечеру, когда фрегат давно уже шел под парусами, оставив далеко позади кадисский рейд, наступил кризис, и состояние графа несколько улучшилось.

– Сейчас он придет в себя, – сказал доктор. Действительно, судорога пробежала по телу графа, он открыл глаза, но взгляд его был мутным и диким. Он вращал глазами во все стороны, как бы стараясь узнать, где находится и почему лежит в постели. Три человека, не спуская с него глаз, заботливо наблюдали за этим возвращением к жизни, не казавшимся им, впрочем, успокоительным. Особенно был встревожен врач; лоб его нахмурился, брови сдвинулись от волнения. Вдруг граф приподнялся и сказал резким и жестким голосом Мигелю, стоявшему возле него:

– Лейтенант, почему вы не собрали экипаж к сражению? Ведь испанский корабль опять убежит от нас!

Врач сделал Мигелю знак.

– Извините, командир, – отвечал матрос, потакая фантазии больного, – все готово к сражению.

– Очень хорошо, – сказал больной.

Потом вдруг мысли его переменились и он прошептал:

– Она придет, она мне обещала!.. Нет! Нет! Она не придет… Теперь она умерла для меня!.. Умерла! Умерла! – повторил он глухим голосом.

Потом вдруг громко вскрикнул:

– О! Как я страдаю, Боже мой! – И слезы полились из его глаз.

Граф закрыл лицо руками и опять упал на постель. Оба матроса тревожно всматривались в бесстрастное лицо врача, стараясь прочесть на нем, чего они должны опасаться и на что надеяться. Внезапно врач облегченно вздохнул, провел рукой по своему лбу, влажному от пота, и, обернувшись к Мигелю, сказал:

– Слава Богу! Он плачет, он спасен!

– Слава Богу! – повторили матросы, набожно перекрестившись.

– Не думаете ли вы, что он сошел с ума, майор? – спросил Мигель дрожащим голосом.

– Нет, это не сумасшествие, а всего лишь бред; он скоро заснет, не оставляйте его. Проснувшись, он не будет помнить ничего. Если попросит пить, дайте ему лекарство, которое я приготовил и оставил на столе.

– Слушаюсь, майор.

– Теперь я пойду, а если случится что-нибудь непредвиденное, сейчас же дайте мне знать. Впрочем, я еще зайду ночью.

Врач ушел. Его слова вскоре подтвердились: мало-помалу граф де Бармон заснул тихим и спокойным сном. Оба матроса стояли неподвижно возле его постели; никакая сиделка не смогла бы ухаживать за больным с такой трогательной заботой, как эти два человека, внешне жесткие и грубые, но имевшие такие добрые сердца.

Так прошла ночь. Врач несколько раз приходил, но всегда уходил через несколько секунд с довольным видом, приложив палец к губам. К утру, при первом луче солнца, ворвавшемся в каюту, граф сделал движение, открыл глаза и, слегка повернув голову, сказал слабым голосом:

– Мой добрый Мигель, дай мне воды.

Матрос подал ему стакан.

– Я совсем разбит, – прошептал граф, – стало быть, я был болен?

– Да, немного, – отвечал матрос, – но теперь все прошло, слава Богу. Надо только не терять терпения.

– Мне кажется, я чувствую, как фрегат идет; разве мы под парусами?

– Так точно, командир.

– Кто же приказал сниматься с якоря?

– Вы сами вчера вечером.

– А! – произнес граф, возвращая стакан.

Голова его тяжело упала на изголовье, и он замолчал. Однако он не спал, глаза его были открыты, взор с беспокойством блуждал по стенам каюты.

– Вспоминаю! – прошептал он, и слезы брызнули из его глаз; потом, резко повернувшись к Мигелю, он прибавил: – Это ты меня поднял и принес на фрегат?

– Я, капитан.

– Благодарю; однако, может быть, было бы лучше дать мне умереть…

Матрос презрительно пожал плечами.

– Блестящая мысль! – проворчал он.

– О, если бы ты знал! – сказал граф горестно.

– Я все знаю. Не предупреждал ли я вас с самого первого дня?

– Это правда, мне следовало бы тебе поверить. Увы! Я уже тогда любил ее.

– Знаю… Да она и заслуживала этого.

– Не правда ли, она все еще меня любит?

– Кто в этом сомневается? Бедное, милое существо!

– Какой ты добрый, Мигель!

– Я справедлив.

Наступило новое молчание. Через несколько минут граф возобновил разговор.

– Ты нашел письмо? – спросил он.

– Нашел, капитан.

– Где оно?

– Здесь.

Граф с живостью схватил письмо.

– Ты прочел? – спросил он.

– Для чего? – отвечал Мигель. – Там, должно быть, сплошь ложь да гадость, а я не любитель читать подобные вещи.

– Вот, возьми.

– Чтобы разорвать?

– Нет, чтобы прочесть.

– Зачем?

– Ты должен знать, что заключается в этом письме, я так хочу.

– Это другое дело, давайте.

Он взял письмо и развернул его.

– Читай громко, – сказал граф.

– Славное поручение даете вы мне, капитан! Но если вы хотите, я должен повиноваться.

– Я прошу тебя, Мигель.

– Довольно, капитан, начинаю.

Он начал читать вслух это странное послание. Оно было короткое, лаконичное, но действие, которое должно было произвести это письмо, оказалось тем ужаснее, что каждое слово было рассчитано для того, чтобы нанести удар. Вот содержание письма:

«Граф, вы не женились на моей дочери; я обманул вас ложным браком. Вы никогда ее не увидите, она умерла для вас. Уже много лет неумолимая ненависть существует между вашей фамилией и моей. Я вас не отыскивал, нас свел сам Господь. Я понял, что Он предписывает мне мщение. Я повиновался Ему. Кажется, мне навсегда удалось разбить ваше сердце. Любовь, которую вы питаете к моей дочери, искренна и глубока. Тем лучше, вы будете больше страдать. Прощайте, граф. Послушайтесь меня, не старайтесь со мной увидеться; на этот раз мое мщение будет еще ужаснее. Моя дочь выходит через месяц за того, кого она любит и кого одного она любила всегда.

Дон Эстебан Сильва, герцог Пеньяфлор»

Когда матрос кончил читать, он устремил на своего командира вопросительный взгляд. Тот несколько раз покачал головой и ничего не ответил. Мигель возвратил ему письмо, которое капитан тотчас спрятал под изголовье.

– Что вы будете делать? – спросил матрос через минуту.

– Позже, – отвечал граф мрачным голосом, – позже ты узнаешь. Я не могу в эту минуту принять никакого решения; моя голова еще слаба, мне нужно подумать.

Мигель одобрительно кивнул. В эту минуту вошел доктор. Он, по-видимому, пришел в восторг, увидев, что его пациент так хорошо выглядит, и обещал, радостно потирая руки, что через неделю больной встанет с постели.

Действительно, доктор не ошибся: граф быстро выздоравливал. Наконец он мог встать, и через несколько дней кроме мертвенной бледности, разлившейся по его лицу, бледности, которую он с тех пор сохранил навсегда, силы его полностью восстановились. Граф де Бармон ввел свой фрегат в устье Тахо, бросил якорь на виду у Лиссабона, после чего вызвал лейтенанта в свою каюту и имел с ним продолжительный разговор, после чего отправился на берег вместе с Мигелем и Тихим Ветерком.

Фрегат остался под командованием первого лейтенанта; граф покинул его навсегда. Этот поступок могли бы назвать бегством, но граф де Бармон решил во что бы то ни стало возвратиться в Кадис. За те несколько дней, что прошли после его разговора с Мигелем, граф обдумал все. В результате долгих размышлений он пришел к выводу, что донья Клара была так же, как и он, обманута герцогом, что она считала себя замужем; все в обращении молодой девушки с ним доказывало это. В желании осуществить свою месть герцог перешел границы: доннья Клара любила графа, он был уверен в этом. Она повиновалась отцу не иначе, как вынужденная к тому насилием. Когда граф пришел к этому заключению, ему оставалось только одно – возвратиться в Кадис, собрать сведения, отыскать герцога и объясниться с ним в последний раз в присутствии его дочери. Остановившись на этом намерении, молодой человек немедленно исполнил его, поручив своему лейтенанту командование фрегатом, рискуя испортить свою карьеру, подвергнуться преследованию как изменник, так как война между Францией и Испанией была в полном разгаре. Он нанял прибрежное судно и в сопровождении двух матросов, которым объяснил свои намерения и которые не захотели оставить его, вернулся в Кадис.

Благодаря своему отличному знанию испанского языка граф не возбудил никаких подозрений в этом городе и без труда выяснил все, что ему было нужно. Герцог уехал в Мадрид. Граф немедленно отправился туда же.

Такой знатный вельможа, как герцог Пеньяфлор, испанский гранд первого ранга, не может путешествовать, не оставляя следов, так что граф легко мог узнать, по какой дороге тот поехал. Он приехал в Мадрид в убеждении, что в скором времени сумеет объясниться с герцогом, чего так пламенно желал.

Но надежда его была обманута. Герцог был на аудиенции короля, после чего уехал в Барселону. Это походило на какой-то гибельный рок. Но граф не унывал, верхом проехал он Испанию и добрался до Барселоны. Герцог накануне уехал в Неаполь. Эта погоня принимала размеры одиссеи, герцог точно чувствовал, что его преследуют. Однако на самом деле все обстояло иначе: он просто выполнял поручение, данное ему королем. Граф навел справки и узнал, что с герцогом едут оба его сына и дочь. Через два дня граф де Бармон отправился в Неаполь на судне контрабандистов. Мы не будем вдаваться во все подробности этой упорной погони, которая продолжалась несколько месяцев; скажем только, что граф не застал герцога и в Неаполе, как не заставал в Мадриде и Барселоне, он проехал всю Италию и въехал во Францию, преследуя неуловимого врага, который исчезал перед его носом.

Хоть граф и не подозревал, однако за это время их роли значительно переменились. И вот каким образом: герцогу было очень интересно узнать, как поступит де Бармон. Он был уверен, что война вынудит графа покинуть Испанию, однако он слишком хорошо знал решительный характер молодого человека, для того чтобы предположить хоть на одно мгновение, что тот примет нанесенное ему оскорбление, не постаравшись беспощадно отомстить. Вследствие этого он оставил в Кадисе доверенного человека, которому поручил, в случае появления там графа, наблюдать за его поступками с величайшим старанием и уведомить герцога, что предпримет граф. Человек этот добросовестно и очень ловко исполнил трудное поручение, доверенное ему, и, в то время как граф преследовал герцога, он преследовал графа, не теряя его из виду, останавливаясь, где останавливался он, и отправляясь за ним тотчас, как только тот отправлялся в путь. Когда наконец он удостоверился, что граф действительно преследует его господина, он перегнал графа, догнал герцога в окрестностях Пиньероля и передал ему все, что узнал. Герцог, в душе устрашенный упорной ненавистью своего врага, притворился, будто не придает никакой важности этому известию, и презрительно улыбнулся, слушая донесение своего слуги. Но, несмотря на это, он не пренебрег предосторожностями, и так как мир был почти подписан и испанский уполномоченный находился в Париже, отправил к нему этого самого слугу с письмом. В письме заключался официальный донос на графа де Бармон-Сенектера. Кардинал Ришелье без колебаний отдал приказание арестовать графа, и полицейские агенты его преосвященства под командой Франсуа Бульо выехали из Парижа в погоню за несчастным офицером. Де Бармон, в полном неведении относительно того, что происходило, продолжал свой путь и даже обогнал герцога, который, решив, что теперь ему нечего опасаться своего врага, ехал не торопясь.

Но расчет герцога был неверен; он не подумал, что агенты кардинала, не зная, где встретят того, кого им велено было арестовать, будут вынуждены ехать наугад, тем более что, кроме Бульо, никто из них не знал графа лично, а тот, как нам теперь известно, хотел дать беглецу возможность убежать.

Мы рассказали выше, какое бурное объяснение произошло между тестем и зятем. Граф был в конце концов арестован, отвезен на остров Сент-Маргерит и отдан в руки майору де л'Урсьеру.

Теперь, когда мы объяснили относительное положение каждого из наших действующих лиц, будем продолжать наш рассказ с того места, на котором остановились.

Глава VIII
Заключенный

Мы сказали, что майор де л'Урсьер, комендант крепости, велел отвести графа де Бармон-Сенектера в ту комнату, которая должна была служить ему тюрьмой до тех пор, пока кардиналу не будет угодно возвратить ему свободу. Эта комната, довольно большая и высокая, была восьмиугольной формы, с выбеленными стенами в пятнадцать футов толщиной и освещалась двумя узкими бойницами с двойной железной решеткой, внутренней и наружной, которая пропускала тусклый свет сквозь свои частые отверстия и полностью скрывала вид извне. Один угол занимал большой камин; напротив стояла деревянная кровать с узким тюфяком, когда-то выкрашенная желтой краской, но совсем побелевшая от времени. Стол, скамейка, стул, ночной столик, железный подсвечник дополняли более чем скромную меблировку. Комната эта находилась на самом верхнем этаже башни, плоская крыша которой, где день и ночь прохаживался часовой, служила ей потолком. Солдат отпер запоры и замки двери, обитой железом, и граф твердым шагом вошел в комнату. Бросив взгляд на эти холодные и печальные стены, в которых ему предстояло жить, он сел на стул, скрестил руки на груди, опустил голову и погрузился в размышления.

Солдат – или, лучше сказать, тюремщик – ушел и, вернувшись через час, нашел графа в том же положении. Человек этот принес простыню, одеяло, немного дров; два солдата, следовавшие за ним, несли чемодан с одеждой и бельем заключенного, который они поставили в углу комнаты и ушли. Тюремщик тотчас застелил постель, потом вымел комнату и затопил камин. Исполнив все это, он подошел к заключенному.

– Ваше сиятельство, – вежливо сказал он.

– Что вам угодно, друг мой? – спросил граф, приподнимая голову и смотря на него с кротостью.

– Комендант хочет поговорить с вами. Он должен сообщить вам нечто важное.

– Я к услугам господина коменданта, – лаконично отвечал граф.

Тюремщик поклонился и вышел.

– Чего хочет от меня этот человек? – прошептал граф, оставшись один.

Ожидание его было непродолжительным; дверь снова отворилась, и появился комендант. Заключенный поднялся, чтобы встретить его, поклонился и молча ждал, когда тот заговорит. Комендант сделал тюремщику знак уйти, потом, после нового поклона, сказал с холодной вежливостью:

– Граф, дворяне должны оказывать друг другу внимание. Хотя приказания, полученные мной от кардинала, очень строги, я желаю, однако, облегчить ваше пребывание в этих стенах, насколько мне позволяют мои обязанности; я пришел прямо сюда, чтобы поговорить с вами об этом.

Граф угадал, куда клонит комендант, но не высказал этого и отвечал:

– Господин комендант, я должен быть признателен за такой шаг с вашей стороны; будьте же добры, объясните мне, в чем состоят полученные вами приказания и каким образом возможно вам смягчить их. Но прежде всего, так как я нахожусь здесь у себя, – прибавил он с меланхолической улыбкой, – сделайте мне одолжение и сядьте.

Майор поклонился, но не сел.

– Это ни к чему, граф, – сказал он. – То, что я должен вам сказать, очень коротко. Прежде всего прошу вас оценить мою деликатность: я распорядился прислать сюда чемодан с вашими вещами, не осмотрев его, хотя имел на то право.

– Вижу и очень вам благодарен.

Майор поклонился.

– Вы сами военный, граф, – сказал он, – и знаете, что его преосвященство монсеньер кардинал хоть и великий человек, но не очень щедр к офицерам, которых старость или раны вынуждают выйти в отставку.

– Это правда, – заметил граф.

– В особенности это касается комендантов крепостей; хоть они и назначены королем, но вынуждены покупать за наличные деньги места своих предшественников и находятся в полнейшей нищете, если не накопят денег заранее.

– Я этого не знал; я думал, что начальство над крепостью служит наградой.

– Так оно и есть, граф; покупается место только в таких крепостях, которые, как эта, служат государственной тюрьмой.

– А! Очень хорошо.

– Вы понимаете, что это делается по причине тех выгод, которые комендант имеет право извлекать из общения с вверенными ему заключенными.

– Понимаю как нельзя лучше. Много ли содержится несчастных в этом замке, подвергшихся немилости его преосвященства?

– Увы! Вы один. Вот по какой причине желал бы я мирно договориться с вами.

– Поверьте, что я сам очень этого желаю.

– Я в этом убежден и потому приступлю прямо к делу.

– Приступайте, приступайте; я слушаю вас с самым серьезным вниманием.

– Мне приказано не позволять вам общаться ни с кем, кроме вашего тюремщика, не давать вам ни книг, ни бумаги, ни перьев, ни чернил, никогда не позволять вам выходить из этой комнаты; кажется, очень опасаются, что вы убежите отсюда, а его преосвященство, должно быть, хочет вас удержать.

– Я очень признателен его преосвященству, но, к счастью для меня, – улыбаясь отвечал граф, – вместо того, чтобы иметь дело с тюремщиком, я завишу от храброго воина, который, строго исполняя свои обязанности, считает бесполезным мучить заключенного, уже и без того несчастного, так как он заслужил немилость короля и всесильного кардинала.

– Суждение ваше обо мне верно, граф; как ни строги эти приказания, я один распоряжаюсь в этой крепости, где мне нечего опасаться контроля, и надеюсь, что буду в состоянии смягчить предписанную в отношении вас строгость.

– Каковы бы ни были ваши намерения на этот счет, позвольте мне в свою очередь поговорить с вами откровенно, как подобает честному офицеру. Так как, без сомнения, я останусь в заключении очень долго, деньги для меня совершенно бесполезны; не будучи богат, я пользуюсь, однако, некоторым достатком и очень этому рад, потому что этот достаток позволяет выразить вам признательность за то снисхождение, которое вы оказываете мне. Услуга за услугу, милостивый государь: я буду давать вам десять тысяч в год вперед, а вы, с вашей стороны, позволите мне иметь, разумеется за мой счет, все вещи, которые могут скрасить тяготы моего заключения.

У майора закружилась голова: старый офицер за всю свою жизнь не имел такой большой суммы.

Граф продолжал, не показывая, что заметил, какое действие произвели его слова на коменданта:

– Итак, решено. К той сумме, которую король назначил вам для моего содержания, мы будем прибавлять двести ливров в месяц, то есть две тысячи четыреста в год на бумагу, перья, книги и прочее… даже положим для круглой цифры три тысячи; вы согласны?

– Ах! Этого много, даже слишком много.

– Нет, потому что я помогаю благородному человеку, который останется мне признателен.

– Ах! Я останусь вам признателен вечно! Прошу вас не сердиться на меня за мою откровенность, но вы заставите меня желать, чтобы вы оставались здесь как можно дольше.

– Как знать, майор, может быть, мой отъезд будет для вас выгоднее моего пребывания здесь, – сказал граф с лукавой улыбкой. – Позвольте мне вашу записную книжку.

Майор передал. Граф вырвал листок, написал несколько слов карандашом и подал майору, говоря:

– Вот чек на тысячу шестьсот ливров, которые вы можете получить из банка Дюбуа, Лусталь и К° в Тулоне.

Комендант с радостным трепетом схватил бумагу.

– Но мне кажется, что на этой бумаге написано на восемьсот ливров больше той суммы, о которой мы условились.

– Правда, но эти восемьсот ливров назначены на покупку разных вещей, значащихся вот в этом списке и которые я прошу вас достать для меня.

– Завтра вы их получите, граф.

Поклонившись почти до земли, комендант вышел, пятясь задом.

– Я не ошибся, – весело прошептал граф, когда тяжелая дверь закрылась за майором, – я не ошибся, я верно оценил этого человека: в нем сосредоточились все пороки, но самый главный в нем порок – скупость! Кажется, я сделаю с ним все, что хочу. Но я не должен спешить, мне надо действовать очень осторожно.

В уверенности, что его не потревожат несколько часов, граф отпер чемодан, принесенный солдатами, чтобы удостовериться, правду ли сказал комендант и точно ли все вещи в целости. Действительно, чемодан был нетронут.

Предвидя вероятный арест, граф, перед тем как пуститься в погоню за герцогом Пеньяфлором, купил несколько вещей, которые теперь с величайшим удовольствием нашел в чемодане. Кроме одежды и белья, в чемодане лежали очень тонкая и крепкая веревка длиной в сотню метров, две пары пистолетов, кинжал, шпага, порох и пули. Эти вещи, которыми граф запасся на всякий случай, комендант конфисковал бы без всякого зазрения совести, если бы обнаружил их. Стало быть, чемодан раскрыт не был.

Еще в чемодане лежали стальные и железные инструменты, а в двойном дне, старательно скрытом, – тяжелый кошелек с суммой в двадцать пять тысяч ливров золотом, не считая другой суммы, почти столь же значительной, испанскими дублонами, зашитыми в широкий кожаный пояс.

Как только граф удостоверился, что комендант ему не солгал, он старательно запер чемодан, повесил ключ на стальной цепочке себе на шею и спокойно сел у камина.

Размышления его были прерваны тюремным сторожем. На этот раз тюремщик принес ему не только полный набор постельного белья, гораздо лучше того, который он доставил прежде, но прибавил к нему ковер, зеркало и даже туалетные принадлежности. Стол он накрыл скатертью, на которую поставил довольно вкусный обед.

– Комендант просит у вас извинения, – сказал тюремщик, – завтра он пришлет вам все, что вы потребовали от него, а пока он прислал вам книги.

– Хорошо, друг мой, – отвечал граф. – Как вас зовут?

– Ла Гренад.

– Комендант вас назначил служить мне, Ла Гренад?

– Да.

– Друг мой, я нахожу, что вы человек хороший, вот вам три луидора. Если я буду вами доволен, то каждый месяц буду давать вам столько же.

– Если б вы ничего не дали мне, – отвечал Ла Гренад, взяв деньги, – это не помешало бы мне служить вам со всем усердием, на которое я способен. Я беру эти три луидора только потому, что такой бедный человек, как я, не имеет права отказываться от подарка такого щед-

рого мсье, как вы. Но, повторяю вам, я готов служить вам, и вы можете распоряжаться мною, как вам угодно.

– Однако я вас не знаю, Ла Гренад, – с удивлением сказал граф. – Откуда у вас такая преданность ко мне?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.